

Санкт-Петербургский государственный университет

Тан Юэ

Выпускная квалификационная работа

Влияние И. С. Тургенева на раннее творчество А. П. Чехова

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5611. «Русская литература»

Профиль «Русская литература»

Научный руководитель:

доцент, Кафедра истории русской
литературы,

Оверина Ксения Сергеевна

Рецензент:

ведущий научный сотрудник,

Дом-музей А. П. Чехова,

Государственный музей истории
российской литературы имени В. И. Даля

(Государственный литературный музей),

Зайцев Виктор Сергеевич

Санкт-Петербург

2021

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава 1. И. С. Тургенев в ранних письмах и сочинениях А. П. Чехова ...	14
1.1. Упоминания о Тургеневе в ранних письмах Чехова	14
1.2. Высказывания о Тургеневе в ранних произведениях Чехова	23
Глава 2. Тургеневские темы, образы и мотивы в раннем творчестве Чехова	40
2.1. «Записки охотника» и Чехов.....	40
2.2. Другие тургеневские темы, образы и мотивы в раннем творчестве Чехова	48
Глава 3. Творческая манера Тургенева в раннем творчестве Чехова	57
3.1. Пейзаж в творчестве Тургенева и ранних произведениях Чехова..	57
3.2. Тайная психология Тургенева и психологизм в ранних произведениях Чехова	67
Заключение	84
Список использованной и цитируемой литературы	88

Введение

Для понимания творчества любого писателя и его творческого пути имеет большой смысл обращаться к его художественной связи с предыдущей литературой. Подчеркивая «главенствующую роль»¹ преемственности в искусстве, И. В. Гете произносит: «Когда видишь большого мастера, обнаруживаешь, что он использовал лучшие черты своих предшественников и что именно это сделало его великим»². Данный момент может найти отражение именно в художественном поиске А. П. Чехова, для которого, по словам Л. П. Громова, «характерен широкий и разнообразный диапазон творческой учебы у предшественников и у современников»³. Среди таких предшественников Чехова занимает особое место И. С. Тургенев.

Литературная связь Чехова с Тургеневым сначала была отмечена современными Чехову писателями и критиками в конце 1880-х годов, после публикации сборника рассказов «В сумерках». Так, К. К. Арсеньев указал на сближение «Верочки» молодого писателя с тургеневской повестью «Ася» в «положениях и характерах»⁴. Оценивая чеховские сборники «В сумерках» и «Рассказы», Д. С. Мережковский отметил, что в этих циклах произведений обнаруживается равная любовь автора к природе и человеческому миру,

¹ Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. М., 1986. С. 191.

² Там же.

³ Громов Л. П. Чехов и его великие предшественники [Электронный ресурс] // Великий художник А. П. Чехов: Сб. ст. Ростов н/Д, 1959. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st003.shtml> (дата обращения: 06.05.2021).

⁴ Арсеньев К. К. Беллетристы последнего времени. А. П. Чехов — К. С. Баранцевич — Ив. Щеглов [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 1887. Кн. 12. URL: http://az.lib.ru/a/arsenxew_k_k/text_0040.shtml (дата обращения: 06.05.2021).

которая унаследована от Тургенева и Л. Н. Толстого⁵. Тургеневский след в чеховском пейзаже еще был упомянут Д. В. Григоровичем⁶ и А. Н. Плещеевым⁷ в их письмах к Чехову.

Тема «Чехов и Тургенев» обладает актуальностью и в настоящее время. В течение более века, предлагая свои решения исследовательского вопроса, поколения исследователей выдвигают новые направления рассмотрения данной темы.

Одним из первых ученых, проведших исследование по этой теме, является А. С. Долинин. В его статье, которая опубликована в 1923 году, было представлено тщательное сравнительное изучение тургеневского «Свидания» и чеховского «Егеря». Указывая на множественные сходства в теме, сюжете, мотивах и образах двух рассказов, ученый не считает их достойным доказательством тургеневского влияния на Чехова. По его мнению, эти кажущиеся общими элементы могут быть взяты из «окружающей жизни»⁸ или «другого источника»⁹. В своей работе А. С. Долинин делает акцент на существенных отличиях чеховского рассказа от тургеневского: более объективном повествовании и «служебной»¹⁰ роли пейзажа, который представлен для раскрытия темы и душевного состояния персонажей.

⁵ См.: *Мережковский Д. С.* Старый вопрос по поводу нового таланта [Электронный ресурс] // Северный вестник, 1888. № 11. Отд. II. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0150.shtml (дата обращения: 06.05.2021).

⁶ См.: Переписка А. П. Чехова: В 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 285–286.

⁷ См.: Литературное наследство: Чехов. М., 1960. Т. 68. С. 294; Переписка А. П. Чехова: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 324.

⁸ *Долинин А. С.* Тургенев и Чехов (Параллельный анализ «Свидания» Тургенева и «Егеря» Чехова) // Долинин А. С. Достоевский и другие: Ст. и исслед. о рус. классич. лит. Л., 1989. С. 334. Статья была впервые опубликована в «Творческом пути Тургенева» в 1923 году.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 372.

Сравнительный анализ этих же рассказов был сделан еще П. М. Бицилли¹¹, который также указал на функциональность чеховского пейзажа и относительно слабую связь между описанием природы и общим планом рассказа у Тургенева. Пытаясь выяснить суть проблемы, ученый убедительно связал такую функциональность пейзажа с лаконизмом, одним из самых важных творческих принципов Чехова.

Ценный вклад в изучение творческой связи Чехова с Тургеневым внес также Г. А. Бялый, который заметил «присутствие» образа «“вольных людей” из народа»¹² во многих чеховских рассказах середины 1880-х годов — это «Он понял!», «Егерь», «Художество», «Агафья», «День за городом», «Рано!» и «Свирель». Эти произведения называет ученый «чеховскими “Записками охотника”»¹³. По его мнению, обращаясь к тургеневскому сборнику рассказов, молодой писатель пытался найти «опору в среде простого народа»¹⁴, для которого характерна «особая, возвышенная стихия»¹⁵, чтобы бороться с «миром обывательщины и мещанства»¹⁶.

Данное исследование Г. А. Бялого вызвало интерес многих исследователей к так называемым «чеховским “Запискам охотника”» в 1970–80-х годах. Так, в своей работе Л. Н. Назарова более подробно рассмотрела упомянутые Г. А. Бялым произведения и указала на ряд сближений чеховских рассказов с «Записками охотника» в образах и мотивах. Самый значимый прогресс исследовательницы в изучении этого вопроса

¹¹ См.: Бицилли П. М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // А. П. Чехов: pro et contra. СПб., 2010. Т. 2. С. 522–692.

¹² Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм [Электронный ресурс]. М.; Л., 1962. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/byalyj-russkij-realizm/zapiski-ohotnika.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

заключается в том, что она заметила наследование и развитие Чеховым тургеневских способов в «создании портрета»¹⁷, пейзаже и «ведении диалога»¹⁸. В конце статьи, подтверждая влияние «Записок охотника» на рассказы Чехова, исследовательница также подчеркивает его «собственный стиль, более лаконичный и менее лирический, нежели у Тургенева»¹⁹.

На чеховские рассказы о «“вольных людях” из народа» обратил внимание и Г. П. Бердников. В его работе дается более конкретное определение таких «вольных людей»: «отщепенцы, чудаки, люди, так или иначе оторвавшиеся от деревенской жизни, чувствующие себя выше ее, и в тоже самое время неустроенные, бесприютные»²⁰. Более того, исследователь указал на объективность изображения персонажей у Чехова по сравнению с «идеализацией крестьян»²¹ в «Записках охотника».

Изучая влияние тургеневского сборника на творчество Чехова, А. Л. Гришунин не ограничивался указанными Г. А. Бялым рассказами. С «Записками охотниками» исследователь еще связал такие чеховские произведения, как «Нахлебники», «Тина», «На пути», «Перекасти-поле», «Пассажир 1-го класса» и мн. др., где обнаруживаются отдельные элементы из тургеневского цикла. Пытаясь выяснить причину обращения Чехова к «Запискам охотника», исследователь предполагает, что молодого писателя привлекала «“объективная” манера тургеневского письма»²², с помощью

¹⁷ Назарова Л. Н. Тургенев и русские писатели: «Записки охотника» и рассказы Чехова начала–середины 80-х годов // Тургенев и его современники: Сб. ст. Л., 1977. С. 129.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бердников Г. П. А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания. 3-е изд., дораб. М., 1984. С. 51.

²¹ Там же. С. 49.

²² Гришунин А. Л. Чехов и «Записки охотника» // Контекст: Литературно-теоретические исследования. М., 1989. С. 255.

которой Тургенев раскрыл «язвы крепостничества <...> как бы неумышленно»²³.

В конце 1980-х годов особое внимание И. Г. Ямпольского и З. С. Паперного уделялось появлению тургеневского имени в произведениях Чехова. В статье под названием «И. С. Тургенева и его герои в произведениях других писателей» И. Г. Ямпольский рассмотрел и несколько чеховских произведений разных периодов. По мнению исследователя, показывая отношение своих персонажей к тургеневскому творчеству, Чехов их оценивает и раскрывает их «исключительную поэтическую глухоту и невежество»²⁴.

Исследование З. С. Паперного строилось на более богатом материале. Подводя итог, исследователь также указывает на оценочную функцию «присутствия» Тургенева в художественных текстах Чехова, которое оказывает помощь в раскрытии отрицательных характеристик персонажей. При этом исследователь еще заметил изменение отношения Чехова к Тургеневу в разные периоды творчества: Тургенев входит в ранние произведения молодого писателя как «бесспорная эстетическая величина»²⁵, а у Чехова как зрелого писателя наблюдается «сложное и противоречивое»²⁶ отношение к предшественнику.

Творческая связь Чехова с Тургеневым стала одной из центральных тем в монографии В. Б. Катаева. Ученым сближаются множественные произведения Чехова («Безотцовщина», «Тоска», «Иванов», «Леший», «Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад») и Тургенева («Маша», «Рудин»,

²³ Гришунин А. Л. Чехов и «Записки охотника» // Контекст: Литературно-теоретические исследования. М., 1989. С. 255.

²⁴ Ямпольский И. Г. И. С. Тургенев и его герои в произведениях других писателей // Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX–начала XX в. Л., 1986. С. 302.

²⁵ Паперный З. С. Творчество Тургенева в восприятии Чехова // И. С. Тургенев в современном мире: Сб. ст. М., 1987. С. 135.

²⁶ Там же. С. 136.

«Бретер», «Дворянское гнездо», «Новь», «Записки охотника» и «Нимфы»). Такое сближение воплощается в образах героев, темах, цитатах, деталях, пейзаже и литературных традициях. В частности, ученый указал на использование выразительной детали вместо развернутого описания у Чехова как один из элементов тургеневской пейзажной техники и развитие Чеховым тургеневского правила «соединения возвышенного, серьезного и обыденного, пошлого»²⁷. Более того, говоря о изучении литературных связей, В. Б. Катаев подчеркивает, что «устанавливаемые связи <...> не становились бы самоцелью, а открывали что-то новое в произведении и его авторе»²⁸.

В начале нашего века изучение вопроса «Чехов и Тургенев» получило значительное развитие в работах Е. В. Тюховой. Так, в статье «Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова» исследовательница продолжала рассмотренную И. Г. Ямпольским и З. С. Паперным тему и сделала выводы, в которых наблюдается определенное расхождение с мнением предыдущих исследователей. По убеждению Е. В. Тюховой, в раннем творчестве Чехова упоминания о Тургеневе и его героях помогают выявить не только отрицательные черты некоторых персонажей, но и положительные, такие как «поэтическая чуткость»²⁹ и «идеальные устремления»³⁰. Помимо этого, исследовательница еще указывает на роль тургеневского имени в «углублении

²⁷ Катаев В. Б. Литературные связи Чехова [Электронный ресурс]. М., 1989. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/kritika/kataeva-literaturnye-svyazi-chehova/geroj-leshego.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

²⁸ Там же. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/kritika/kataeva-literaturnye-svyazi-chehova/predislovie.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

²⁹ Тюхова Е. В. Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова // Спасский вестник. 2004. № 10. С. 111.

³⁰ Там же.

комического начала в персонаже»³¹ и открытии его «положительных потенций»³².

В другой статье Е. В. Тюховой была представлена панорама важных результатов изучения темы «Чехов и Тургенев» на основе работ предыдущих исследователей и собственных наблюдений. Исследовательница сжато излагает упоминания о Тургеневе в письмах и сочинениях Чехова, рассказы о «“вольных людях” из народа», продолжение тургеневской пейзажной традиции и полемику с ней в зрелом творчестве Чехова, тень «тургеневских девушек» и образ «лишнего человека» в чеховских зрелых произведениях, и, наконец, сближение между двумя писателями в психологизме. Подтверждая существование преемственной связи Чехова с Тургеневым, автор статьи подчеркивает новаторство первого. По ее мнению, «речь должна идти не столько о преемственности, сколько о типологии, возникающей на основе генетической связи»³³.

Большой научный интерес к изучению литературной связи Чехова с Тургеневым наблюдается и в настоящее время. Так, в 2018 году была опубликована статья А. В. Кубасова под названием «Художественная рецепция И. С. Тургенева в прозе А. П. Чехова». В работе были рассмотрены тургеневские интертексты в чеховских произведениях «В ландо», «Переполах», «Безнадежный», «Ариадна» и «Чайка». Эти интертексты, по убеждению ученого, позволяют чеховским героям «обретать литературную и смысловую перспективу»³⁴. Ученый считает, что частью причины

³¹ Тюхова Е. В. Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова // Спасский вестник. 2004. № 10. С. 111.

³² Там же.

³³ Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи // Спасский вестник. Тула, 2005. Вып. 12. С. 165.

³⁴ Кубасов А. В. Художественная рецепция И. С. Тургенева в прозе А. П. Чехова // Филологический класс. 2018. № 4. С. 130.

использования Чеховым аллюзий на Тургенева является близость двух писателей в «технике письма», «искусстве повествования и иронизирования»³⁵.

Еще одной важной работой по теме «Чехов и Тургенев» стала диссертация Г. А. Григорян. В этой работе отношение Чехова к творчеству его предшественника было рассмотрено с точки зрения писательской критики. Тщательно исследуя чеховские письма и художественные произведения, где содержатся высказывания о Тургеневе и тургеневские цитаты, и пейзаж у двух писателей как воплощение творческой полемики Чехова с предшественником, исследовательница указывает на «эволюцию “присутствия” Тургенева на разных уровнях в творческой системе Чехова»³⁶. По ее мнению, для Чехова в ранний период творчества, Тургенев является «всепроникающей величиной»³⁷, однако со временем у Чехова наблюдается все больше критики традиций предшественника.

Итак, как показывает обзор литературы, были затронуты многие разные аспекты вопроса о литературной связи Чехова с Тургеневым: чеховские рассказы о «“вольных” людях из народа», тургеневские интертексты, упоминания о Тургеневе в чеховских письмах и художественных произведениях, образы «тургеневских девушек» и «лишних людей» в зрелом творчестве Чехова, пейзаж, психологизм и др.

Однако можно заметить, что у исследователей существуют некоторые разногласия по исследуемой теме. Это, в частности, воплощается в разных трактовках функций высказываний чеховских персонажей о Тургеневе. Помимо этого, такие аспекты, как упоминания о Тургеневе в чеховских письмах и сближение двух писателей в психологизме, остаются

³⁵ Кубасов А. В. Художественная рецепция И. С. Тургенева в прозе А. П. Чехова // Филологический класс. 2018. № 4. С. 130.

³⁶ Григорян Г. А. А. П. Чехов — читатель и критик И. С. Тургенев: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. С. 185.

³⁷ Там же.

малоизученными и заслуживают дальнейшего и более детального рассмотрения. Наряду с этим, в предыдущих исследованиях наблюдаются лишь частичные представления о влиянии Тургенева на произведения Чехова раннего периода.

Таким образом, **научная новизна** данной диссертационной работы определяется попыткой раскрытия полной картины тургеневского влияния на раннее творчество Чехова и изучением недостаточно разработанных проблем, которые были указаны выше.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что к вопросу «Чехов и Тургенев» наблюдается постоянный научный интерес с начала XX века. Рассмотрение данной темы не только позволяет изучить роль Тургенева в начале творческого пути Чехова и опыт творческой учебы молодого писателя у предшественника, но и дает определенное представление о процессе поиска Чеховым собственных творческих принципов и манеры. Кроме того, выявление функций высказываний чеховских персонажей о Тургеневе и раскрытие тургеневских интертекстов являются необходимыми условиями для полного понимания авторских замыслов некоторых произведений.

Объектом исследования выступает влияние Тургенева на раннее творчество Чехова.

Предметом исследования служат высказывания о Тургеневе в ранних письмах и художественных произведениях Чехова и тургеневские темы, мотивы, образы и художественная манера в чеховском раннем творчестве.

Материалом исследования являются написанные Чеховым сочинения и письма в период с конца 1870-х по 1888 год, которые содержат упоминания о Тургеневе и его творчестве, или отражают его творческие особенности, и произведения Тургенева.

Цель работы заключается в том, чтобы выяснить восприятие тургеневских произведений Чеховым в ранний период его творчества и

изучить разные аспекты воплощения влияния Тургенева на творчество молодого писателя.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) отобрать чеховские ранние сочинения и письма, которые отражают творческие характеристики Тургенева, или содержат упоминания о самом писателе и его творчестве;
- 2) выявить отношение Чехова к его предшественнику на основе анализа высказываний о Тургеневе в чеховских ранних письмах и произведениях;
- 3) определить функции высказываний чеховских персонажей о Тургеневе;
- 4) указать и проанализировать тургеневские темы, образы и мотивы в раннем творчестве Чехова;
- 5) изучить влияние тургеневской манеры на раннее творчество Чехова с точек зрения пейзаж и психологизма;
- 6) продемонстрировать общую картину влияния Тургенева на творчество Чехова раннего периода.

Для решения поставленных задач в данной диссертационной работе были использованы такие **методы**, как описательно-аналитический, сопоставительный и биографический.

Структура работы. Данная работа состоит из четырех частей: введения, основного текста, заключения и списка использованной и цитируемой литературы.

Во введении дается обзор литературы, обосновывается актуальность выбранной темы, определяются научная новизна исследования, его объект, предмет, материал, цель, задачи и методы.

Основной текст составлен из трех глав. В первой главе рассмотрено отношение Чехова к его предшественнику на материале высказываний о Тургеневе в чеховских ранних письмах и произведениях и выявлены функции упоминаний персонажей Чехова о Тургеневе.

Вторая глава посвящена тургеневским темам, мотивам и образам в раннем творчестве Чехова. В данной главе рассматриваются чеховские рассказы о «вольных людях» из народа», где наблюдаются множественные элементы из «Записок охотника», и другие отдельные тургеневские темы, мотивы и образы в чеховских ранних произведениях.

В третьей главе рассмотрена тургеневская художественная манера в пейзаже и психологизме раннего творчества Чехова.

В заключении подводятся итоги предпринятого исследования.

Список литературы насчитывает 62 единицы.

Глава 1. И. С. Тургенев в ранних письмах и сочинениях А. П. Чехова

1.1. Упоминания о Тургеневе в ранних письмах Чехова

Письмо, как один из главных способов связи во второй половине XIX века, является важным материалом для современных исследователей, чтобы узнать мысли и идеи людей того времени. Вследствие этого, рассматривая литературную связь Чехова с Тургеневым, чеховские письма становятся ценным первоисточником, который непосредственно отражает восприятие Чеховым своего художника-предшественника.

Однако в исследованиях по этому вопросу переписке Чехова не было уделено достаточного внимания. Эпистолярные высказывания Чехова о Тургеневе были собраны и подробно рассмотрены только в работах Г. А. Григорян, которая приходит к обобщенному выводу: «хронология эпистолярных высказываний Чехова, показывает, что в разные годы его восприятие тургеневского наследия претерпевало изменения: от восхищения Тургеневым-художником до вывода об устарелости его писательской манеры»³⁸.

Изучая материал под углом зрения писательской критики, Г. А. Григорян в большой степени сосредоточивается на письмах Чехова позднего периода, где наблюдается полемика с некоторыми тургеневскими традициями. В этом параграфе мы детально рассмотрим чеховские ранние письма, и попытаемся проанализировать восприятие Чеховым Тургенева в соответствующий период.

Имя Тургенева появилось в чеховских письмах довольно рано. В письме М. П. Чехову, написанном в апреле 1879 года, писатель рекомендует братьям

³⁸ Григорян Г. А. Эпистолярные высказывания Чехова о Тургеневе в свете писательской критики // Ученые записки Орловского государственного университета, 2019. № 2 (83). С. 88.

прочитать тургеневскую статью: «Советую братьям прочесть, если они еще не читали, “Дон-Кихот и Гамлет” Тургенева. Ты, брате, не поймешь»³⁹.

Упоминания о ближайшем по времени предшественнике Чехова наблюдаются и во многих других семейных письмах. Так, в одном февральском письме 1883 года, отвечая на суждение брата Ал. П. Чехова о сестре, писатель сравнивает М. П. Чеховой с тургеневской героиней, и отмечает, что сестра ничем не хуже: «Она ничем не хуже теперь любой тургеневской героини. Я говорю без преувеличений. Почва самая благодетельная, знай только сей!» (Чехов; П. 1; 57)

В другом семейном письме, написанном Н. П. Чехову в марте 1886 года, Чехов снова советует читать тургеневские произведения. Говоря о необходимости труда и чтения для поддержания таланта, Чехов пишет брату: «Иди к нам, разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал...» (Чехов; П. 1; 225)

Из вышеприведенных писем видно, что Чехов не только был хорошо знаком с тургеневским творчеством, но и особенно ценил его.

Тургенев в самом деле был значимой частью круга чтения семьи Чеховых и их знакомых. Помимо самостоятельного чтения, общение с окружающими также давало молодому писателю широкие возможности ознакомиться с тургеневскими произведениями и их обсудить. Об этом свидетельствуют воспоминания М. П. Чехова о своем известном брате «Вокруг Чехова».

Так, в книге воспоминаний описаны вечеринки у земского врача П. А. Архангельского, где присутствовал и А. П. Чехов. На вечеринках «говорилось много либерального и обсуждались литературные новинки.

³⁹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1974. С. 29. В дальнейшем ссылки на сочинения Чехова даются в тексте работы с указанием автора, тома и страницы. Серия писем обозначится П. Курсив, кроме специально оговоренных случаев, наш.

Много говорили о Щедрине, Тургеневым зачитывались взапой»⁴⁰. Отмечая влияние этих дружеских вечеров на себя, М. П. Чехов пишет: «Эти вечеринки были для меня школой, где я получил политическое и общественное воспитание и где крепко и навсегда сформировались мои убеждения как человека и гражданина»⁴¹. Несомненно, что такие внушительные вечеринки не могли пройти бесследно и у молодого Антона Чехова.

В своих воспоминаниях М. П. Чехов еще упоминает о «превосходных, неповторимых вечерах»⁴² у Киселевых, где, по убеждению автора, «любовь к музыке развивалась в Антоне Чехове»⁴³. Кроме музыки, литература также стала в центре внимания хозяев и гостей: «В эти вечера много говорилось о литературе, искусстве, смаковали Тургенева, Писемского. Много читали, — здесь получали все толстые журналы и много газет»⁴⁴.

Следовательно, пронизывая повседневную жизнь Чехова с юных лет, тургеневское творчество неизбежно оказывало серьезное влияние на эстетику молодого писателя и его представления о литературе. Об этом могут свидетельствовать и упоминания о Тургеневе в ранних художественных произведениях Чехова, где писатель-предшественник довольно часто появляется как эстетический критерий. На этом материале подробно остановимся в следующем параграфе нашей работы.

Высказывания о Тургеневе наблюдаются и в рабочей переписке Чехова. В одном мартовском письме 1883 года, Чехов пишет Н. А. Лейкину о создании «дачных рассказов» и просит его прислать книгу. Самого названия книги Чехов не помнил, но одна фраза в ней произвела на него впечатление: «Не помню только, в какой это книжке... В этой же книжке, кстати сказать, есть

⁴⁰ Чехов М. П. Вокруг Чехова: встречи и впечатления. М., 1964. С. 138.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 152.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

фраза, которая врезалась в мою память: “Тургеневы разные бывают”, — фраза, сказанная продавцом фотографий. Вот Вам 2 признака желаемой книжки» (Чехов; П. 1; 60).

Г. А. Григорян видит причину особого внимания Чехова к этой фразе в том, что она «довольно точно отражала внутреннее ощущение будущих расхождений с писателем-предшественником и чеховское неоднозначное восприятие»⁴⁵. Данное мнение нам кажется спорным и недостаточно обоснованным.

Фраза «Тургеневы разные бывают» взята из рассказа Н. А. Лейкина «Птица», где речь идет о различных продавцах и покупателях. Во фрагменте произведения пожилая женщина и девушка хотят купить фотографическую карточку Тургенева, а продавец предлагает карточку, на которой изображен другой мужчина с усами. Отвечая на сомнение покупателей, он говорит: «Как не Тургенев? Самый настоящий Тургенев. Ведь Тургеневы, сударыня, тоже разные есть. Есть в триках, при всем своем голоножии, есть в сюртуке, а то так и в мужицком костюме. Вот этот самый ходкий, его больше всего покупают»⁴⁶. В этом фрагменте с помощью Тургенева Н. А. Лейкин ироническим образом указывает на невежество своего персонажа.

Интересно, что подобный «прием» наблюдается и во многих ранних произведениях Чехова, где Тургенев присутствует как помощник в раскрытии ограниченности персонажей. У Чехова данный прием впервые появился в «Каникулярных работах институтки Наденьки Н» (1880), и особенно ярко воплощается в рассказе «В ландо» (1883) и мн. др. На наш взгляд, именно в связи с использованием данного особого приема написанная Н. А. Лейкиным фраза врезалась в память Чехова.

⁴⁵ Григорян Г. А. А. П. Чехов — читатель и критик И. С. Тургенев. С. 46.

⁴⁶ Лейкин Н. А. Рассказы [Электронный ресурс] // Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80–90-х годов: В 2 т. Т. 1. М., 1982. URL: http://az.lib.ru/l/lejkin_n_a/text_0050.shtml (дата обращения: 06.05.2021).

В письме тому же адресату от 19 сентября 1883 года Чехов пишет об отправке рассказа «В ландо»: «Посылаю Вам “В ландо”, где дело идет о Тургенева» (Чехов; П. 1; 86). Рассказ был написан после смерти Тургенева и может считать эпитафией в его память. Главная часть текста заключается в монологе барона Дронкеля, который считает, что Тургенев серьезно переоценен. Однако данный персонаж делает лишь поверхностные и смешные комментарии о тургеневском творчестве и даже путает имена писателей. Оценивая скончавшегося писателя, Дронкель непреднамеренно разоблачает свое невежество. Использование такого рода иронии во многом отражает представление молодого Чехова о его предшественнике: значение и высота творчества Тургенева являются неоспоримыми.

Другой важный персонаж в рассказе — это Марфуша, единственный понимающий Тургенева человек в ландо, которая просит Дронкеля «замолчать». По-видимому, в этой реакции Марфуши показано чеховское отношение к несправедливой критике, направленной на Тургенева. Данный рассказ мы подробно рассмотрим в следующем параграфе.

Во второй половине 1886 года Тургенев довольно часто упоминался в чеховских письмах. Так, в письме от 12 или 16 сентября, Чехов приглашает Ф. О. Шехтеля на спектакль в театре Корша по пьесе Тургенева, на котором собирается быть сам: «Будьте сегодня у Корша. Дается “Холостяк” Тургенева, где, по словам Корша, Давыдов выше критики. Я буду там» (Чехов; П. 1; 258), что свидетельствует о постоянном интересе Чехова к Тургенева-художнику, который воплощается в его внимании не только к тургеневским сочинениям, но к спектаклям по его произведениям.

В письме М. В. Киселевой от 29 октября, оценивая рассказ писательницы после совещания с Н. А. Лейкиным и другими опытными литераторами, Чехов пишет: «Даже собака Лейкин, не признающий никого, кроме себя и Тургенева, нашел, что этот рассказ “недурен и литературен”» (Чехов; П. 1; 270). Очевидно, здесь Тургенев упомянут как критерий качества литературного произведения.

В письме Н. А. Лейкину, которое было написано между 15 и 20 декабря, Чехов сообщает о последней в 1886 году отсылке рассказов для «Осколков». В данном письме имя и произведение Тургенева использованы в шуточной форме: «Письма писать буду, а насчет произведений — “довольно!”, как сказал Тургенев» (Чехов; П. 1; 280).

Последнее письмо 1886 года, где был упомянут Тургенев — это письмо А. С. Суворину от 21 декабря, где Чехов высоко оценивает произведения А. Н. Маслова (Бежецкого), и отмечает: «Его “Расстрелянный” гораздо лучше тургеневского “Жида”» (Чехов; П. 1; 281).

Чехов сравнивает рассказ А. Н. Маслова с тургеневским не без причины. На самом деле, в основе сюжета обоих рассказов лежит история о смертном приговоре, вынесенной бедному человеку, и драматизм сюжета заключается в несоответствии между мелким проступком и вышей мерой наказания. Однако история в рассказах представлена двумя писателями по-разному. «Расстрелянный» был написан в строго объективной манере, а в «Жиде» Тургенев использовал ряд деталей, чтобы вызвать сочувствие в читательской душе⁴⁷. Нельзя не согласиться с Г. А. Григорян, которая считает, что Чехов предпочел рассказ А. Н. Маслова тургеневскому «Жиду» именно из-за «недостаточной объективности в манере повествования»⁴⁸ в последнем.

Таким образом, данное письмо еще раз подтверждает хорошее знание творчества Тургенева у молодого писателя, которое не ограничивалось общим пониманием его работ, а было куда глубже и охватывало и различные элементы произведений. Кроме того, из чеховских негативных комментариев к рассказу писателя-предшественника видно, что, в своем понимании реалистических принципов русской литературы Чехов не руководствовался

⁴⁷ См.: Фридкис Л. М., Полоцкая Э. А., Коншина Е. Н. Примечания // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 1. М., 1974. С. 466.

⁴⁸ Григорян Г. А. А. П. Чехов — читатель и критик И. С. Тургенев. С. 49.

никакими абсолютными авторитетами, хотя Тургенев, несомненно, играл важную роль в формировании у Чехова представлений об этих принципах.

Чехов всегда ставил свои литературные убеждения выше авторитета. Об этом свидетельствует еще письмо М. В. Киселевой от 14 января 1887 года, которая до этого критиковала чеховский рассказ «Тина». По ее мнению, в этом произведении писатель показал одну «навозную кучу»⁴⁹, а не выкапывал оттуда «жемчужного зерна»⁵⁰, что не соответствует способностям и таланту Чехова.

В ответ Чехов пишет: «Ссылка на Тургенева и Толстого, избегавших “навозную кучу”, не проясняет этого вопроса. Их брезгливость ничего не доказывает; ведь было же раньше них поколение писателей, считавшее грязью не только “негодяев с негодяйками”, но даже и описание мужиков и чиновников ниже титулярного» (Чехов; П. 2; 11).

Кроме того, молодой писатель еще подчеркивает свои представления о литературе и задачах литераторов. Для него подлинность и актуальность литературных произведений являются главными приоритетами творчества: «Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле <...> Литераторы — сыны века своего, а потому, как и вся прочая публика, должны подчиняться внешним условиям общежития» (Чехов; П. 2; 11–12).

В письме, которое Чехов написал своей семье в 11 мая 1887 года о поездке в Таганрог, снова наблюдается упоминание о Тургеневе в шутливой форме: «Встречные хохлы, принимая меня, вероятно, за Тургенева, снимают шапки...» (Чехов; П. 2; 82). В этой шутке речь не лишь идет о известности Тургенева и сердечном приеме местных людей. Права Г. А. Григорян, которая

⁴⁹ Цит. по: *Гитович Н. И., Малахова А. М., Роскина Н. А. Примечания // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 2. / под ред. Н. Ф. Бельчикова и др. М., 1975. С. 347.*

⁵⁰ Там же.

ассоциирует возникновение данной тургеневской аналогии с сопоставлением современниками молодого писателя с Тургеневым, и отмечает, что в этом выражении «ощущается шутливо-польщенный тон Чехова»⁵¹.

Действительно, после публикации чеховского сборника рассказов «В сумерках» (1887), литераторы начали активно сравнивать чеховские произведения с тургеневскими, и многие отзывы были положительными.

Так, например, высоко оценивая чеховские рассказы «Мечты» и «Агафья», Д. В. Григорович пишет: «Рассказы “Мечты” и “Агафья” мог написать только истинный художник <...> такое мастерство в передаче наблюдений встречается только у Тургенева и Толстого...»⁵².

Однако кроме таких добрых и уместных оценок, в которых сравнивали Чехова с Тургеневым и другими писателями для подтверждения уровня творчества молодого писателя, были и немало сомнений в том, что писатель подражает чужим произведениям. Что касается реакции Чехова на эти обвинения, то, как отмечает В. Б. Катаев, «ничего кроме раздражения или горькой иронии у писателя такого рода привязки вызвать не могли»⁵³.

Отвращение Чехова к такому осуждению ощущается в письме И. Л. Леонтьеву от 22 февраля 1888 года. Оценивая рассказ адресата «Поручик Поспелов», Чехов пишет: «Лицо новое и оригинально задуманное. Во всей повестке чувствуется тургеневский пошиб, и я не знаю, почему это критики прозевали и не обвинили Вас в подражании Тургеневу» (Чехов; П. 2; 205).

В еще одном письме раннего периода, отправленном Д. В. Григоровичу в 12 января 1888 года, указывая на значительное место Д. В. Григоровича в русской литературе, Чехов также подтверждает вечное значение творчества

⁵¹ Григорян Г. А. А. П. Чехов — читатель и критик И. С. Тургенев. С. 52.

⁵² Переписка А. П. Чехова: В 2 т. / сост. и коммент. М. П. Громова, А. М. Долотовой, В. Б. Катаева. Т. 1. М., 1984. С. 285–286.

⁵³ Катаев В. Б. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/kataeva-literaturnye-svyazi-chehova/predislovie.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

Тургенева: «Вероятно, придется пить и за Ваше здоровье, так как у нас не проходит ни одна годовщина без того, чтобы пьющие не помянули добром Тургенева, Толстого и Вас <...> Я глубоко убежден, что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни Вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых Вы изображали, но Вы останетесь целы и невредимы» (Чехов; П. 2; 175).

Таким образом, ясно из всех упоминаний о Тургеневе в ранней переписке Чехова, что молодой писатель был всегда заинтересован в творчестве своего художника-предшественника. В центре его внимания были не только тургеневские произведения, но и спектакли. Можно сказать, что творчество Тургенева практически стало частью повседневной жизни молодого писателя, постоянно появляясь в его общении с окружающими и личных письмах.

Понимание Чеховым Тургенева ни в коем случае не являлось лишь приблизительным — он имел четкое представление о разных элементах в тургеневских произведениях и был очень хорошо знаком с его стилем.

Значение Тургенева огромно и даже вечно как для русской литературы, так и для Чехова. Однако это не значит, что молодой писатель видел в нем абсолютный авторитет. На самом деле, для Чехова такого безусловного авторитета не существует — произведения любого писателя оцениваются им довольно объективно в соответствии с принципами русского реализма и собственными литературными убеждениями, которые, несомненно, сформировались не без влияния Тургенева.

Кроме того, влияние Тургенева на молодого Чехова еще непосредственно воплощается в некоторых его произведениях, где наблюдаются либо прямые высказывания о Тургеневе как особый «прием», либо ощущается тургеневская манера. Эти вопросы будем подробно рассматривать в остальных частях нашей работы.

1.2. Высказывания о Тургеневе в ранних произведениях Чехова

Упоминания о Тургеневе у раннего Чехова не только наблюдаются в его письмах, но и нередко появляются в его художественных произведениях, и в данном случае, вместо самого писателя, субъектами восприятия Тургенева становятся чеховские персонажи.

В 1980-х годах на это явление обращали особое внимание И. Г. Ямпольский и З. С. Паперный. Исследуя Тургенева и его героев в работах ряда писателей второй половины XIX века, И. Г. Ямпольский в качестве материала взял и несколько рассказов Чехова раннего и позднего периода. В своей работе он указывает на оценочную функцию высказываний о Тургеневе в рассказах Чехова, подчеркивая, что с помощью этих высказываний писатель часто демонстрирует «исключительную поэтическую глухоту и невежество»⁵⁴ героев.

Это мнение разделяет З. С. Паперный, который в своей статье приходит к выводу: «Тургенев входит в мир сатирических персонажей раннего Чехова как бесспорная эстетическая величина, по контрасту с которой раскрывается все их ничтожество, неспособность понимать поэзию и красоту»⁵⁵.

На основе результатов предыдущих ученых Е. В. Тюхова проводила исследование по «тургеневскому» в ранних сочинениях Чехова, и сделала более подробные выводы. По ее мнению, в творчестве Чехова упоминания о предшественнике и его героях, прежде всего, носят характеристическую функцию — подобные упоминания не только раскрывают «эстетическую глухоту и бездуховность»⁵⁶ героев, но и показывает «поэтическую чуткость, идеальные устремления»⁵⁷ некоторых других персонажей. Кроме того, ученый

⁵⁴ Ямпольский И. Г. Указ. соч. С. 302.

⁵⁵ Паперный З. С. Указ. соч. С. 135.

⁵⁶ Тюхова Е. В. Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова. С. 111.

⁵⁷ Там же.

еще указывает на амбивалентную функцию «тургеневского», которое «способствует и углублению комического начала в персонаже, и открывает в нем положительные потенции»⁵⁸.

Теме «восприятие Тургенева чеховскими персонажами» уделяется огромное внимание и в работах Г. А. Григорян, где высказывания, содержащие имя Тургенева, получили название «испытания Тургеневым»⁵⁹. Говоря о раннем творчестве Чехова, исследовательница утверждает: «Во всех проанализированных случаях слово персонажа о Тургеневе выполняет четко организованную художественную задачу. Апеллируя к своему предшественнику, Чехов показал духовную ограниченность и узость своих персонажей, которым недоступна поэтичность тургеневской прозы»⁶⁰.

Таким образом, общий вывод всех предыдущих исследователей ясен: главной функцией упоминаний о Тургеневе в раннем творчестве Чехова является характеристическая функция. Однако они расходятся в том, какие именно характеристики героев создает писатель с помощью этого «приема», только отрицательные, или, как считает Е. В. Тюхова, еще и некоторые положительные.

Исходя из данного вопроса, в этом параграфе мы продолжим исследовать «тургеневское» в художественных текстах Чехова раннего периода. Кроме того, мы попытаемся найти другие функции появления имени Тургенева в чеховских произведениях и выяснить отношение Чехова к своему ближайшему по времени предшественнику, которое отражается в этих высказываниях.

Имя Тургенева появилось в творчестве Чехова уже в самом начале его писательской карьеры. В «Каникулярных работах институтки Наденьки N» (1880) показаны домашние задания девочки, которые состояются из таких

⁵⁸ Тюхова Е. В. Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова. С. 111.

⁵⁹ Григорян Г. А. А. П. Чехов — читатель и критик И. С. Тургенев. С. 96.

⁶⁰ Там же. С. 110–111.

частей, как сочетание предложений, согласование слов, сочинение и арифметика, и в каждой части Наденька допускает ошибки. Имя предшественника Чехова наблюдается в сочинении «Как я провела каникулы?» После списывания пейзажа из Тургенева: «Молодые деревья росли очень тесно, ничей топор еще не коснулся до их стройных стволов, не густая, но почти сплошная тень ложилась от мелких листьев на мягкую и тонкую траву, всю испещренную золотыми головками куриной слепоты, белыми точками лесных колокольчиков и малиновыми крестиками гвоздики (похищено из “Затишья” Тургенева)» (Чехов; 1; 25), институтка пытается подражать в стиле писателя-пейзажиста дальше: «Солнце то восходило, то заходило. На том месте, где была заря, летела стая птиц. Где-то пастух пас свои стада и какие-то облака носились немножко ниже неба» (Чехов; 1; 25), и за пейзажем следует предложение: «Я ужасно люблю природу» (Чехов; 1; 25).

Очевидно, как ошибки в других частях каникулярных работ, неудачное подражание Тургеневу отражает недалекость девочки. Однако, на наш взгляд, это вряд ли единственная характеристика персонажа, на которую автор хотел обратить внимание читателя. Ведь если бы смысл художественного текста ограничился насмешкой над недалекостью девочки-институтки, произведение казалось бы слишком пошлым и лишенным значения.

Нельзя не согласиться с мнением Е. В. Тюховой о том, что здесь обращение к имени Тургенева и его описанию природы позволяет не только создать комический эффект, но и раскрыть положительные характеристики персонажа⁶¹. Действительно, в маленьком сочинении с «похищением» пейзажа Тургенева и собственным продолжением данного описания не лишь отражена ограниченность Наденьки, но и ощутима ее любовь к природе, влечение к красоте, и отчасти к литературе.

В рассказе «Цветы запоздалые» (1882) «тургеневское» появляется в ассоциации героини княжны Маруси. Точнее, здесь упомянут не писатель, а

⁶¹ См.: Тюхова Е. В. Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова. С. 103.

его персонаж Рудин. Смотря на своего брата князя Егорушку, который предавался пьянству и разврату, «Маруся (простите ей, читатель!) вспомнила тургеневского Рудина» (Чехов; 1; 393). В этом предложении выражение «простите ей, читатель» также напоминает тургеневскую манеру. Подобные обращения к читателям часто обнаруживаются в творчестве предшественника Чехова. Например, «Представьте себе, любезные читатели...»⁶² («Однодворец Овсяников»), «Кстати, читатели, заметили ли вы...» (Тургенев; 5; 209) («Рудин») и мн. др.

С точки зрения Маруси, «ее развратный брат, отставной гусар, князь Егорушка, был выразителем самой высшей правды и образцом добродетели самого высшего качества! <...> Она видела в нем неудачника, человека непонятого, непризнанного. Его пьяное распутство извиняла она почти с восторгом. <...> Егорушка давно уж убедил ее, что он пьет с горя: вином и водкой заливает он безнадежную любовь...» (Чехов; 1; 393)

По-видимому, в этом рассказе тургеневский герой выполняет характеристическую функцию. С одной стороны, неподходящее сравнение Егорушки с Рудиным ироническим образом подчеркивает распущенность князя. С другой стороны, это также помогает Чехову создать образ княжны: Маруси — девушка наивная, добродушная, но для нее характерно незнание настоящей жизни.

Подобная Марусе, героиня рассказа «Дачница» (1884) Леля тоже знала мир лишь по художественным произведениям. Она «была убеждена, что, выйдя из института, она неминуемо столкнется с тургеневскими и иными героями, бойцами за правду и прогресс, о которых впередогонку трактуют все

⁶² Тургенев И. С Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 3. М., 1979. С. 58. В дальнейшем ссылки на сочинения Тургенева даются в тексте работы с указанием автора, тома и страницы. Серия писем обозначится П. Курсив, кроме специально оговоренных случаев, наш.

романы и даже все учебники по истории — древней, средней и новой...» (Чехов; 3; 12)

Однако ее желание расходилось с действительностью. После окончания института Леля вышла замуж за мужчину, который «красив, богат, молод, образован, всеми уважаем, но <...> груб, неотесан и нелеп, как сорок тысяч нелепых братьев» (Чехов; 3; 12). В частности, он «Тургенева смешивает с Достоевским, карикатур не понимает, шуток тоже, а прочитав однажды, по совету Лели, Щедрина, нашел, что Щедрин “туманно” пишет» (Чехов; 3; 12).

Не соглашаясь с И. Г. Ямпольским, Г. А. Григорян полагает, что в этом рассказе упоминание Тургенева и его героев не служит резкому разграничению Лели и ее мужа, так как героиня также является объектом иронии писателя, и «возможно, пройдет еще несколько лет в браке с таким мужем и разница между ними вовсе нивелируется»⁶³. По нашему мнению, данная точка зрения не вполне справедлива.

Действительно, судя по стилистике и содержанию некоторых фрагментов, у Чехова заметно ироническое отношение к героине. Так, в первом абзаце «Леля думает... Хорошенькое лицо ее так грустно, в глазах темнеет столько тоски, что, право, неделикатно и жестоко не поделиться с ней ее горем» (Чехов; 3; 11), и в заключительной части «Она стоит теперь у палисадника, думает о нем, сравнивает его со всеми знакомыми ей мужчинами и находит, что он лучше всех; но ей не легче от этого. Священный ужас m-ле Морсеаи обещал ей больше» (Чехов; 3; 13). Однако это вовсе не значит, что между Лелей и ее мужем нет принципиальной разницы, что они одинаковы. На наш взгляд, то, что героиня считает своего мужа лучше всех знакомых ей мужчин, но на сердце у нее все же тяжело и тоскливо, говорит о дальнейшем расхождении Лели с мужем в идеях и жизни.

Разграничивание героини и ее мужа не только присутствует в тексте, но и очень важно для создания комического эффекта и формирования мысли

⁶³ Григорян Г. А. А. П. Чехов — читатель и критик И. С. Тургенев. С. 104.

произведения. С помощью упоминаний о Тургеневе и его героях изображен муж Лели, который «груб, неотесан и нелеп» (Чехов; 3; 12), не понимает мира в художественных произведениях, а также изображена Леля, которая не знает настоящего мира, раньше видела в мужчинах литературных героев, а теперь – одних только «нелепых» людей. Располагая рядом двух героев, имеющих полярные характеристики, писатель подчеркивает иронический смысл.

Речь в рассказе «В ландо» (1883) также идет о понимающих и непонимающих Тургенева. Сюжет рассказа разворачивается на фоне смерти предшественника Чехова, персонажи обсуждают его творчество. Рассказ можно считать эпитафией на смерть писателя, об отправке произведения Чехов писал в письме Н. А. Лейкину от 19 сентября 1883 года, через 16 дней после смерти Тургенева: «Посылаю Вам “В ландо”, где дело идет о Тургеневе» (Чехов; П. 1; 86).

В ландо сидят Кити и Зина, «дочери действительного статского советника» (Чехов; 2; 242), их кузина, провинциалка-помещица Марфуша и барон Дронкель. Разговор о Тургеневе и его творчестве в основном ведет Дронкель, начиная эту тему, он говорит: «Сегодня у наших служащих панихида по Тургеневе, а я по вашей милости не поехал. Неловко, знаете ли... Комедия, а все-таки следовало бы поехать, показать свое сочувствие... идеям... Mesdames, скажите мне откровенно, приложу руку к сердцу, нравится вам Тургенев?» (Чехов; 2; 243) Вопрос он задает не столько другим, сколько себе, чтобы высказать свое «уникальное» мнение о писателе.

Так, ошибаясь в имени Д. В. Григоровича и названии «Записок охотника», Дронкель произносит: Тургенев «пишет, как и все русские писаки... Как и Григорьевич, как и Краевский... Взял я вчера нарочно из библиотеки “Заметки охотника” <...> и не нашел решительно ничего особенного... Ни самосознания, ни про свободу печати... никакой идеи! А про охоту так и вовсе ничего нет» (Чехов; 2; 243). Кроме того, барон еще не удовлетворяется описанием любви у Тургенева, укоряет его в отсутствии «оригинальных» и «самородных» идей, и видит скуку в пейзаже. Наконец, говоря о влиянии

Тургенева на развитие общества, Дронкель заявляет: «На меня, по крайней мере, он не имел ни малейшего влияния» (Чехов; 2; 243).

Что касается Кити и Зины, то, хотя они как бы выступают за Тургенева, но на самом деле лишь повторяют такие клише, как «А как он про любовь писал!», «А природу как он описывал!» (Чехов; 2; 243), и Зина даже принимает «Обломова» за произведение Тургенева. Единственный человек, понимающий творчество скончавшегося писателя и поддерживающий его — это провинциалка Марфуша, над «неприличностью» и «наивностью» которой смеются ее кузины. В реакции Марфуши на слова Дронкеля отчасти отражено отношение Чехова к Тургеневу и упрекам в адрес писателя-предшественника: «Попросите его, чтоб он замолчал! Ради бога! — шепнула Марфуша Зине <...> Глаза провинциалки беспокойно бегали по ландо, с лица на лицо, светились нехорошим чувством и, казалось, искали, на кого бы излить свою ненависть и презрение. Губы ее дрожали от гнева» (Чехов; 2; 243). Действительно, в этом случае сильная эмоция говорит громче, чем слова. Клевета на такого писателя, как Тургенев, неприемлема, а спорить с его «невежественными» и «смешными» противниками не только трудно, но и нет смысла.

Итак, в рассказе «В ландо», как в «некрологе» ближайшему по времени предшественнику Чехова, «тургеневское» служит не мелким элементом, а основной темой и сюжета произведения. Упоминания о Тургеневе и его творчестве являются главным средством характеристики персонажей, с помощью которого автор сатирически подчеркивает невежество и бездуховность Дронкеля, Кити и Зины и в тоже время выделяет «поэтическую чуткость»⁶⁴ и любовь к тургеневскому творчеству Марфуши.

Кроме того, следует отметить полемическую функцию этого рассказа и высказываний о Тургеневе в нем. Совершенно прав Г. А. Бялый, который считает «В ландо» «настоящей защитой “Записок охотника” и их автора от тех реакционных сил, которые травили Тургенева при жизни и оскорбляли его

⁶⁴ Тюхова Е. В. Тургенев и его герои в раннем творчестве. С. 111.

память после смерти»⁶⁵. С его точки зрения, в рассказе утверждается национальное значение «литературной деятельности Тургенева в целом»⁶⁶.

Полемический смысл ощутим и в юмореске «Список экспонентов, удостоенных чугунных медалей по русскому отделу на выставке в Амстердаме» (1883), опубликованной через месяц после написания «В ландо». Творческое вдохновение этой юморески Чехов нашел в «Списке экспонентов, удостоенных похвальных наград по русскому отделу на международной выставке колониальных произведений и отпускных товаров в Амстердаме», который был сначала помещен в «Правительственном вестнике», а затем в газетах. На выставке экспоненты из России получили «почетные дипломы, золотые, серебряные, бронзовые медали и почетные отзывы»⁶⁷.

В чеховском «Списке» было перечислено 14 экспонентов, и два из них касаются Тургенева — «администрация театра в Ростове-на-Дону — за отменное тупоумие, выразившееся особенно рельефно в постановке живых картин в день тургеневских похорон» и «педагоги в Твери — за отменную нетенденциозность в оценке таких плохих писателей, как какой-нибудь Тургенев» (Чехов; 2; 254).

Видимо, неуважительное отношение к скончавшемуся писателю и несправедливая оценка покойного вызвали у Чехова сильное недовольство и отвращение. По его мнению, поведение «администрации театра в Ростове-на-Дону» и «педагогов в Твери» как будто стали экспонатами на выставке, которые все критикуют и высмеивают, и экспоненты заслуживают «чугунных медалей» благодаря их нелепости.

⁶⁵ Бялый Г. А. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/byalyj-russkij-realizm/zapiski-ohotnika.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Долотова Л. М., Опульская Л. Д., Чудаков А. П. Примечания // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 2. М., 1975. С. 528.

Используя форму «списка экспонентов», Чехов сатирическим образом полемизирует с теми, кто не только не понимает, но и недооценивает и оговаривает Тургенева. Как в рассказе «В ландо», в этой юмореске молодой писатель еще раз подтверждает неоспоримое значение своего предшественника для русской литературы и его ценный вклад в русскую культуру.

Дело с «тургеновским» сложнее в «Безнадежном» (1885). Перед глазами читателей предстает скучающий герой Егор Федорыч Шмахин, предстатель земской управы. Из-за разлива реки он не смог поехать к знакомым, и «два раза ложился он спать и просыпался, раза два принимался обедать, пил раз шесть чай, а день все еще только клонился к вечеру» (Чехов; 3; 219). Чтобы разогнать скуку, Шмахин пробовал смотреть альбом и играть в шашки, что привело его лишь к недовольству и раздражению. Наконец, он начал читать «Дворянское гнездо» в номере «Современника» 1859 года: «“Дворянское гнездо” ... Чье это? Ага! Тургенева! Читал... Помню... Забыл, в чем тут дело, стало быть, еще раз можно почитать... Тургенев отлично пишет... мда...

Шмахин разлегся на софе и стал читать... И его тоскующая душа нашла успокоение в великом писателе» (Чехов; 3; 222).

Но литература также не могла спасти его безнадежную душу — читая Тургенева, он заснул.

Ясно, что, выполняя характеристическую функцию, упоминание о Тургеневе и его произведении выделяет эстетическую ограниченность и безнадежность Шмахина. Однако, на наш взгляд, самая важная роль «тургеновского» в данном произведении заключается не в этом.

Любопытно мнение А. В. Кубасова, который видит в Шмахине нового Лаврецкого. Убедительным доказательством его точки зрения служит ряд деталей в тексте: обращение «барин», повторяющееся два раза в заключительной части, и барские поступки Шмахина являются косвенной отсылкой к герою «Дворянского гнезда» и Тургеневу; Чехов указывает на 1859 год, который имеет важное значение как для общественно-политической жизни страны, так

и для «литературной жизни Лаврецкого как типы»; отчество Шахина «Федорыч» соответствует имени героя романа Тургенева; отвращение, вызванное у Шахина фотографией жены и воспоминанием, можно ассоциировать с несчастьем личной жизни Лаврецкого и т. п.⁶⁸

Таким образом, здесь тургеневское «Дворянское гнездо» появляется как намек. С помощью этого ключа, читатели открывают подтекст произведения: «новый Лаврецкий, как и прежний, — “безнадежный” тип личности, не способной на существенные изменения. Как был он некогда барин, так и остался им четверть века спустя — несчастным, бездеятельным и безвольным»⁶⁹.

В период с 1885 по 1887 год имя Тургенева наблюдается в значительном числе художественных текстов Чехова, которое оказывает помощь в раскрытии духовного облика различных персонажей.

Так, в сценке «Контрабас и флейта» (1885) мы снова сталкиваемся со спором между понимающим и не понимающим Тургенева персонажами. Оценивая творчество писателя, контрабасист Петр Петрович жалуется на его «избыточное» употребление варваризмов и большой объем описания природы: «Знаю... читал... Хорошо пишет! Очень хорошо! Только, знаете ли, не нравится мне в нем это... как его... не нравится, что он много иностранных слов употребляет. И потом, как запустится насчет природы, как запустится, так взял бы и бросил! Солнце... луна... птички поют... черт знает что! Тянет, тянет...» (Чехов; 4; 191) Интересно отметить, что контрабасист разделяет мнение Дронкеля в рассказе «В ландо», который считает тургеневский пейзаж растянутым и всегда его пропускает.

Дальше Петр Петрович высказывает свое мнение об эпизоде в «Дворянском гнезде»: «Еще бы, Тургенев ведь! Мы с вами так не напишем.

⁶⁸ См.: *Кубасов А. В.* Художественная рецепция И. С. Тургенева в прозе А. П. Чехова. С. 125.

⁶⁹ Там же.

Читал я, помню, “Дворянское гнездо” ... Смеху этого — страсть! Помните, например, то место, где Лаврецкий объясняется в любви с этой... как ее?... с Лизой... В саду... помните? Хо-хо! Он заходит около нее и так и этак... со всякими подходцами, а она, шельма, жеманится, кочевряжится, канителит... убить мало!» (Чехов; 4; 191–192)

Смешные комментарии сердят флейтиста Ивана Матвеича, он приходит в волнение и начинает спорить. Однако вместо того, чтобы убедить своего коллегу, флейтист лишь вызывает его гнев. Не соглашаясь с Иваном Матвеичем, контрабасист делает свой вывод о Тургеневе: «Сам я не знаю, что ли? Какой образованный нашелся! Тургенев, Тургенев... Да что Тургенев? Хоть бы и вовсе его не было» (Чехов; 4; 192).

Перед таким «невеждой» флейтист оказывается «бессильным»: «Стараясь не спорить, стиснув зубы, он глядел на своего укрывающегося одеялом сожителя, и в это время большая голова контрабаса казалась ему такой противной, глупой деревяшкой, что он дорого бы дал, если бы ему позволили стукнуть по ней хоть разик» (Чехов; 4; 192).

Трудно согласиться с мнением Г. А. Григорян о том, что в отличие от Марфуши в рассказе «В ландо», флейтист не оказывается близким Тургеневу ни в какой степени⁷⁰. Действительно, единственный представленный автором аргумент флейтиста кажется слабым: «Великолепные у него есть места!..» (Чехов; 4; 191), но это не может свидетельствовать о непонимании Тургенева флейтистом, ведь в других местах текста его точка зрения заменена многоточием или дана в таких сжатых выражениях, как «Флейта <...> начинала спорить, доказывать, объяснять...» (Чехов; 4; 192), что соответствует лаконизму Чехова.

Любовь флейтиста к литературе ощутима в его реакции, отражающей сильное желание защитить произведение писателя от лжетолкования: «Флейта вскакивала с постели и, сверкая глазами, надсаживая свой тенорок ...»,

⁷⁰ См.: Григорян Г. А. А. П. Чехов — читатель и критик И. С. Тургенев. С. 108.

«Стараясь не спорить, стиснув зубы он глядел на своего укрывающегося одеялом сожителя» (Чехов; 4; 192). Иван Матвеич не смог уговорить контрабасиста не из-за собственного невежества, а из-за ограниченности своего собеседника. Об этом писатель пишет в сценке определительно: «Флейта тушила лампу и долго не могла уснуть от ненависти и сознания бессилия, которое чувствует всякий, сталкиваясь с упрямством невежды» (Чехов; 4; 192).

Итак, по нашему мнению, спор о Тургеневе отражает резкое различие между флейтистом и контрабасистом. Умение и неспособность воспринимать литературу являются одним из множественного доказательства контраста и несовместимости двух героев.

В «Ряженных» (1886) перечислены те, кто наряжается другим. Например, человек, одетый «щегольски, по моде и тепло» (Чехов; 4; 276), оказывается свиньей, а под маской благотворительницы скрывается «чертова перечница» (Чехов; 4; 276). В том числе и притворяющийся талантом «гусь лапчатый», который постоянно старается «выложить всю свою “программу”» (Чехов; 4; 277) и хвастается своими «знаниями» и «взглядами»: «Тургенев, по его мнению, хорош, но... Толстой тоже хорош, но... Говоря же о своей “программе”, он никогда не прибавляет этого “но”» (Чехов; 4; 277).

Посредством упоминаний писателей, достигших литературных высот, Чехов еще раз иронизирует над ограниченностью своего персонажа, и в данном рассказе также раскрывается фальшивость этого «гуся лапчатого».

Имя Тургенева вместе с другими ценными для Чехова писательскими именами появляется также в рассказе «Иван Матвеич» (1886). Героем произведения является восемнадцатилетний переписчик ученого, прервавший учебу в гимназии «по домашним обстоятельствам». Почувствовав потенциал молодого человека, ученый хочет проверить его уровень знаний:

«...А лучше, если бы в университет поступили. Экзамен трудный, но при терпении и усидчивом труде можно выдержать. Занимайтесь, читайте побольше... Вы много читаете?»

— Признаться, мало... — говорит Иван Матвеич, закуривая.

— Тургенева читали?

— Н-нет...

— А Гоголя?

— Гоголя? Гм!.. Гоголя... Нет, не читал!

— Иван Матвеич! И вам не совестно? Ай-ай! Такой хороший вы малый, так много в вас оригинального, и вдруг... даже Гоголя не читали! Извольте прочесть! Я вам дам! Обязательно прочтите! Иначе мы рассоримся!» (Чехов; 4; 373)

Факт того, что молодой переписчик не читал Тургенева и Гоголя, указывает на недостаток его знания литературы. Однако здесь не ощущается иронического отношения писателя к своему герою. Незнание Ивана понятно и объяснимо — «по домашним обстоятельствам», что вызывает у читателей сочувствие вместо осуждения и насмешки. Мы считаем, что важная роль появления имени Тургенева в этом рассказе, как в «Каникулярных работах институтки Наденьки N», заключается в создании комического эффекта на основе доброго юмора.

Имена Гоголя и Тургенева были поставлены вместе и в вариантах рассказа «Весной» (1886). Макар Денисыч Кургузов, герой рассказа, представляет собой неудачного писателя, который «вечно возится <...> с книжками, выписывает на 25 рублей журналов, носит с Гоголем и с Тургеневым, как музыкант со скрипкой, и пишет» (Чехов; 5; 503).

«Присутствие» Гоголя и Тургенева в диалоге и жизни чеховских персонажей-интеллигентов указывает на важное значение двух писателей для русской литературы, и в определенной степени отражает их особое место в художественном сознании Чехова. Об этом говорит и рассмотренный нами фрагмент письма Чехова Д. В. Григоровичу от 11 января 1888 г: «Я глубоко убежден, что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя» (Чехов; П. 2; 175).

В вариантах рассказа Кургузов окружается невежественными людьми, среди которых и молодая фельдшерица, одна «образованная и начитанная барышня». Ее ограниченность Чехов критикует с помощью тургеневского произведения: «... Раз он, не называя Тургенева, прочитал ей “Певцов” из “Записок охотника”».

Она покрутила носом и сказала:

— Какая чепуха! И неужели за это платят деньги?» (Чехов; 5; 508)

Иронично, что, будучи единственным «мудрецом» среди невежд, Кургузов остается одиноким и непонимаемым, и как Марфуша в рассказе «В ландо», он становится объектом насмешки других персонажей.

В «Хороших людях» (1886) главный герой, Владимир Семеныч Лядовский, служащий в конторе железной дороги, обожает заниматься литературой и ведет еженедельный критический фельетон в газете. При чтении одного рассказа из крестьянской жизни, «Владимир Семеныч был в восторге. Он находил, что автор прекрасно справляется с формой изложения, в описаниях природы напоминает Тургенева, искренен и знает превосходно крестьянскую жизнь» (Чехов; 5; 415). Однако намерение Чехова состоит не в том, чтобы подчеркнуть знания и страсть героя к литературе, а в иронии: «Сам критик был знаком с этой жизнью только по книгам и понаслышке, но чувство и внутреннее убеждение заставляли его верить рассказу» (Чехов; 5; 415).

Таким образом писатель изображает человека с пустым энтузиазмом, у которого отсутствуют мысли и знание настоящей жизни, и из-за этого его литературная критика, любимое дело героя, оказывается бессмысленной.

В «Удаве и кролике» (1887) акцент сделан не на тургеневский пейзаж, а на другой его талант — описание женщин. Герой рассказа, Петр Семеныч, «истасканный и плешивый субъект» (Чехов; 6; 169), рассказывает о способе покорить замужнюю женщину: держаться на расстоянии от любимой женщины, и делать ее мужа «посыльным» своих комплиментов, тоски и одиночества. Один из этих комплиментов звучит: «Жалею, <...> что я не

Тургенев, а то давно бы я ее описал» (Чехов; 6; 171). И наконец, по плану героя, эта женщина, как кролик, «беззаветно падает в пасть удава» (Чехов; 6; 171).

Здесь Тургенев становится частью обольстительных речей героя, которые вызывают красивые и романтические ассоциации и заманивают «кролика» в ловушку.

Итак, как отмечает З. С. Паперный, Тургенев действительно является «одним из самых упоминаемых писателей у Чехова»⁷¹, что опять свидетельствует о постоянном интересе Чехова к своему предшественнику-художнику и его особом месте в восприятии Чехова как читателя и писателя.

Анализ произведений, произведенный нами в этом параграфе, свидетельствует о том, что Тургенев, как скрытый персонаж этих художественных текстов, имеет устойчивые характеристики, которые, по-видимому, соответствует представлению Чехова о его предшественнике: Тургенев — это эстетический критерий; писатель, внесший неоспоримый вклад в литературу и общество; создатель ряда героев, укоренившихся в сознании читателей; и наконец, мастер описания природы и женщин. И именно по его бесспорному значению в литературе и художественному величию, Тургенев становится пробным камнем чеховских персонажей.

Из этого можно сделать вывод о главной функции упоминаний Тургенева в ранних произведениях Чехова, на которую уже указали предыдущие исследователи — это характеристическая функция. Мы считаем, что мнение Е. В. Тюховой более справедливо и всесторонне, чем позиции других ученых, сводящих функцию «тургеновского» исключительно к раскрытию отрицательных черт персонажей. С точки зрения Е. В. Тюховой, восприятие Тургенева может отражать не только отрицательные («эстетическая глухота и бездуховность»⁷²), но и положительные качества

⁷¹ Паперный З. С. Указ. соч. С. 127.

⁷² Тюхова Е. В. Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова. С. 111.

персонажей, такие как «наличие <...> поэтической чуткости, идеальных устремлений»⁷³.

Кроме того, она указывает на амбивалентную функцию высказываний о Тургеневе, которые «способствуют и углублению комического начала в персонаже, и открывают в нем положительные потенции (Наденька)»⁷⁴. Мы считаем, что под эту категорию можно подвести и Ивана Матвевича из одноименного рассказа, где наблюдается добрый юмор вместо едкой иронии.

На наш взгляд, нужно отметить и полемическую функцию упоминаний о Тургеневе, которая особенно ярко проявляется в таких произведениях, написанных после смерти Тургенева, как «В ландо» и «Список экспонентов, удостоенных чугунных медалей по русскому отделу на выставке в Амстердаме». Выступая как защитник Тургенева, Чехов утверждает неоспоримое значение своего предшественника в русской литературе и относит тех, кто его не уважает и порочит, к невеждам.

Более того, для времени написания двух произведений, указанных выше, смерть Тургенева является актуальным событием. Как отмечает К. С. Оверина, «популярная литература высоко ценит сиюминутность, актуальность, злободневность»⁷⁵. «Присутствие» Тургенева, известного и актуального писателя эпохи Чехова, придает произведениям Антоши Чехонте эти важные для «малой прессы» черты.

Исключительная роль Тургенева и его творчества наблюдается в рассказе «Безнадежный». Аллюзии на Тургенева позволяют читателям ассоциировать чеховского героя с тургеневским и полностью раскрыть подтекст произведения.

⁷³ Тюхова Е. В. Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова. С. 111.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Оверина К. С. Ранняя проза А.П. Чехова (1880-1884 гг.): проблема повествования: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. С. 9.

Таким образом, Тургенев входит в ранние художественные тексты Чехова не только как ценный для него писатель-предшественник, образ которого в произведениях в большой степени отражает чеховское представление о нем, но и служит особым приемом изображения персонажей, создания комического эффекта, высказывания авторской позиции и придания произведениям актуальности.

Глава 2. Тургеневские темы, образы и мотивы в раннем творчестве

Чехова

2.1. «Записки охотника» и Чехов

«Записки охотника» Тургенева имеют важное значение как для русской литературы, так и для литературы всего мира. Сам автор также сознавал ценность своей работы. В письме П. В. Анненкову от 26 сентября 1852 г. он пишет: «Я рад, что эта книга вышла. Мне кажется, что она останется моей лептой, внесенной в сокровищницу русской литературы» (Тургенев; П. 2; 144).

С данным литературным наследием предшественника Чехов был хорошо знаком и обратил на него особое внимание. Об этом свидетельствуют несколько проанализированных нами произведений. Например, в рассказе «В ландо» (1883) писатель раскрывает ограниченность Дронкеля через смешные комментарии этого персонажа к «Запискам охотника», и весь рассказ представляет собой защиту неоспоримого значения Тургенева для русской литературы. Цикл рассказов Тургенева упомянут также в вариантах рассказа «Весной» (1886), где Кургузов прочитал фельдшернице, «образованной и начитанной барышне» (Чехов; 5; 508), «Певцов» из «Записок охотника», «не называя Тургенева» (Чехов; 5; 508), и получил невежественный ответ.

Согласно исследованиям некоторых ученых, «Записки охотника» не только были упомянуты в произведениях Чехова, но и оказали значительное влияние на его творчество. Так, А. С. Долинин в своей работе указал на множественные сближения чеховского «Егеря» (1885) со «Свиданием» и «Ермолаем и мельничихой» из тургеневского цикла в аспекте темы, сюжета, образов и мотивов⁷⁶.

Самый значимый вклад в изучение влияния «Записок охотника» на творчество Чехова сделан Г. А. Бялым, который заметил «целую галерею “вольных людей” из народа, мирных бродяг, мечтателей, артистов и

⁷⁶ См.: Долинин А. С. Указ. соч. С. 331–373.

художников в душе»⁷⁷ в чеховских рассказах середины 1880-х годов. Рассказы, к которым относятся «Он понял!» (1883), «Егерь» (1885), «Художество» (1886), «Агафья» (1886), «День за городом» (1886), «Рано!» (1887) и «Свирель» (1887), называются ученым «чеховскими “Записками охотника”».

К изучению некоторых вышеуказанных рассказов обращались Г. П. Бердников, Л. Н. Назарова и А. Л. Гришунин. Их точки зрения будем рассматривать в ходе нашего исследования.

«Вольные люди» в «чеховских “Записках охотника”», по мнению Г. П. Бердникова, это в основном чудачки, отщепенцы, неприютные, неустроенные люди, которые оторвались от крестьянской жизни и чувствуют себя выше ее⁷⁸. Образ каждого из этих «вольных людей» в чеховских рассказах в той или иной степени напоминает персонажей из тургеневского цикла. Например, яркие черты Ермолая из «Ермолая и мельничихи» и Калиныча из рассказа «Хорь и Калиныч» во многом отражаются в образах чеховских героев, таких, как Павел Хромой из «Он понял!», Егор из «Егеря», Игнат Рябов и Филимон Слюнка из «Рано!» — все они являются людьми непоседливыми, любят свободу, обожают охоту и лишены желания заниматься крестьянским трудом.

Художник среди «вольных людей» Чехова — это лентяй Сережка из «Художества». Как Яков из тургеневских «Певцов», с помощью своего таланта ничтожный человек становится удивительным героем на время, удивляя и трогая всех.

Более того, в чеховских рассказах также встречаются персонажи, которые крайне близки к природе. Так, для Терентия из сценки «День за городом», подобного Касьяну из тургеневского произведения «Касьян с

⁷⁷ Бялый Г. А. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/byalyj-russkij-realizm/zapiski-ohotnika.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

⁷⁸ См.: Бердников Г. П. Указ. соч. С. 51.

Красивой мечи», «нет в природе той тайны, которая могла бы поставить его в тупик» (Чехов; 5; 148). «Учились эти люди не по книгам, а в поле, в лесу, на берегу реки. Учили их сами птицы, когда пели им песни, солнце, когда, заходя, оставляло после себя багровую зарю, сами деревья и травы» (Чехов; 5; 148). Напоминая крестьянских мальчиков в рассказе «Бежин луг», Данилка из «Дня за городом» «с жадностью вникает» в каждое слово Терентия о природе, и ему «хочется высказать кому-нибудь все то», «что видел днем: тучи, яркое солнце, птиц, рыбешек, долговязого Терентия» (Чехов; 5; 148).

С образом Касьяна можно связать и старого пастуха из «Свирели». Оба они являются необычными по речи и внешности стариками, имеют искреннюю и глубокую любовь к природе, и, как отмечает Г. А. Бялый, представляют собой философов из народа⁷⁹. Касьян сочувствует почти всем существам в природе, а пастух из чеховского рассказа высказывает идеи о гармонии природы и предчувствует гибель мира.

Кроме образов, некоторые мотивы в чеховских произведениях о «“вольных людях” из народа» также близки к «Запискам охотника». Например, как указал А. С. Долинин, в чеховском «Егере» наблюдаются мотивы семейного положения, отношения героя к жене и крестьянской жизни, как в «Ермолае и мельничихе», и мотив мольбы, как в «Свидании»⁸⁰. Что касается «Касьяна с Красивой мечи» и «Свирели», о которых уже упоминалось выше, то в обоих рассказах имеется мотив случайной встречи со стариком-философом.

Читая тургеневский цикл рассказов и названные Г. А. Бялым «чеховские “Записки охотника”», нетрудно заметить, что «циклы» двух писателей имеют сходную тему: раскрытие богатого душевного мира крестьян, их человечности,

⁷⁹ См.: Бялый Г. А. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/byalyj-russkij-realizm/zapiski-ohotnika.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

⁸⁰ См.: Долинин А. С. Указ. соч. С. 354–355.

поэтичности, таланта и других ценных качеств, которые сохранились несмотря на угнетенное состояние; указание на достойное право крестьян на свободу и равенство.

Таким образом, судя по множественным сближениям образов, мотивов и тем, влияние «Записок охотника» Тургенева на создание чеховских рассказов о «вольных людях» несомненно.

Однако с развитием общества и литературы, тургеневский подход к изображению крестьян казался отчасти устаревшим, писателя обвинили в идеализации образов людей из народа. Это, по-видимому, сознал и Чехов, который стремился изобразить реальных, «не идеализированных»⁸¹ крестьян. Как отмечает Л. Н. Назарова, «чеховские герои как бы снижены, более будничны по сравнению со многими из героев “Записок охотника”»⁸².

Исходя из этого, мы считаем, что Чехов не только продолжал, но и развивал тему тургеневского цикла рассказов. Молодой писатель наполнял тургеневскую тему содержанием нового пореформенного времени, и в отличие от предшественника, у Чехова ценные качества крестьян нередко скрываются под их темнотой. Такой контраст в душе народа делает чеховские произведения более близкими к действительности и трогательными.

Помимо рассказов, упомянутых Г. А. Бялым, на наш взгляд, к «чеховским “Запискам охотника”» можно относить и «Счастье» (1887). В письме Я. П. Полонскому от 25 марта 1888 года молодой писатель высоко оценил этот рассказ, называя его «самым лучшим из всех своих рассказов», и кратко передал его содержание: «В рассказе изображается степь: равнина, ночь, бледная заря на востоке, стадо овец и три человеческие фигуры, рассуждающие о счастье» (Чехов; П. 2; 219). Судя по данному содержанию, рассказ уже во многом соответствует тональности «Записок охотника».

⁸¹ Бердников Г. П. Указ. соч. С. 55–56.

⁸² Назарова Л. Н. Указ. соч. С. 120.

В «Счастье» центральным героем является пастух лет восьмидесяти, «беззубый, с дрожащим лицом» (Чехов; 6; 210), который ночью в степи рассказывает о страшном и странном про Ефима Жменю. Сходный мотив наблюдается в тургеневском рассказе «Бежин луг».

Кроме страшного, старик еще говорит о счастье. С одной стороны, по его словам, счастье представляет собой клады, и он «не сумел ответить, что он будет делать с кладом, если найдет его» (Чехов; 6; 218), что отражает темноту и недалёковидности старого пастуха. С другой стороны, счастье в словах старика, иногда кажется более близким к абстрактному понятию — это счастье загадочное и вожаденное. Некоторые выражения, произнесенные стариком нечаянно или намеренно, кажутся удивительно трезвыми и мудрыми, и даже наводят на размышления больше, чем слова «философа» из «Свирели» и Касьяна. Например, «А ведь счастья много, так много <...> что его на всю бы округу хватило, да не видит его ни одна душа! Дождутся люди, что его паны выроют или казна отберет»; «На своем веку я, признаться, раз десять искал счастья <...> На настоящих местах искал, да, знать, попадал все на заговоренные клады. И отец мой искал, и брат искал — ни шута не находили, так и умерли без счастья» (Чехов; 6; 215).

В «Счастье» еще можно заметить превосходное мастерство Чехова в описании природы. Живописное описание утреннего пейзажа и употребление антропоморфизмов при описании звезд, овец, ветра, курганов, растений и других предметов во многом напоминает пейзаж как в «Записках охотника», так и в упомянутых Г. А. Бялым чеховских рассказах.

Образы и мотивы в тургеневском цикле рассказов наблюдаются и во многих других ранних произведениях Чехова, которые вряд ли можно включить в так называемые «чеховские “Записки охотника”». Возьмем «Весной» (1886) и «Степь» (1888) в качестве примеров. Так, в первом рассказе противопоставлены два типа людей: одни крайне близки к природе, хорошо ее знают и все эти знания получили от самой природы, в рассказе это садовник Пантелей Петрович и охотник Иван Захаров, которые вполне могут

принадлежать к числу «“вольных людей” из народа»; другим типом людей является люди книжные, как герой рассказа Макар Денисыч, он не может полностью ощутить красоты и жизненных сил весны.

В «Степи» изображены простые люди из народа, которым присущи поэтичность и естественное чувство природы, как у героев из «Записок охотника». Помимо того, в повести снова появляется мотив рассказа о страшном в ночной природе, как в «Счастье» и тургеневском рассказе «Бежин луг».

Следует отметить, что, хотя в «чеховских “Записках охотника”» и некоторых других произведениях молодого писателя наблюдается немало сходных образов, мотивов и тем с знаменитым тургеневским циклом рассказов, вряд ли можно видеть в подобных моментах заимствования или даже подражания. Нельзя не согласиться с В. Б. Катаевым, который отмечает, что у Чехова «нет произведений чисто литературного происхождения. Пишет он только на русском, современном ему материале»⁸³. Как герои из рассказов о «вольных людях», Чехов учился в большей степени по настоящей жизни, чем по книгам.

В реальной жизни Чехов встретился и сдружился с такими простыми людьми из народа, как в его произведениях. Он хорошо знал их жизнь и осознал их ценные качества. Например, Чехов был знаком с работником Тимофеем в усадьбе Н. А. Лейкина. Тимофеем обожал ловить рыбу, но ему было нужно заниматься хозяйством в саду, огороде и т. д. В письме Н. А. Лейкину от 24 июня 1886 года Чехов просил его разрешить Тимофею ловить рыбу и отметил: «Он хоть и глуп у Вас, но симпатичен и немножко поэт» (Чехов; П. 1; 250).

⁸³ Катаев В. Б. Указ. соч. [Электронный ресурс]. М., 1989. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/kritika/kataeva-literaturnye-svyazi-chehova/predislovie.htm> (дата обращения: 06.05.2021)

Кроме образов и тем «Записок охотника», в своих произведениях Чехов еще продолжал и развивал тургеневскую манеру, воплотившуюся в этом цикле рассказов. Прав А. Л. Гришунин, который считает, что Чехова привлекала «ненавязчивая “объективная” манера тургеневского письма»⁸⁴. По мнению исследователя, хотя «Записки охотника» по сути представляет собой антикрепостническую работу, Тургенев раскрывает «язвы крепостничества <...> как бы неумышленно»⁸⁵, только путем правдивого рисования обыденной действительности.

По-видимому, относительно объективной манеры Чехов в своих рассказах на крестьянскую тему даже превзошел автора «Записок охотника». Как уже говорилось выше, Тургенев так или иначе идеализировал своих героев, подчеркивая их достоинства, а Чехов стремился изобразить более реальные образы героев, указывая на их темноту.

Помимо того, как отмечает Л. Н. Назарова, отсутствие образа рассказчика в произведениях Чехова также делает тон рассказов более объективным и менее лиричным, чем в тургеневском цикле⁸⁶. По убеждению Чехова, «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем» (Чехов; П. 2; 280). Однако исследовательница указывает еще и на то, что молодому писателю не всегда удалось избежать «явного выражения авторских чувств по отношению к героям»⁸⁷, хотя такие случаи наблюдаются реже, чем в «Записках охотника».

Преемство и развитие тургеневской манеры в чеховских рассказах о «вольных людях» проявляются и в создании подробного портрета,

⁸⁴ Гришунин А. Л. Указ. соч. С. 255.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Назарова Л. Н. Указ. соч. С. 120.

⁸⁷ Там же. С. 121.

значительной роли диалогов в некоторых произведениях, носящих сценический характер, и «введении в диалог описаний прошлого»⁸⁸.

Продолжая традиции предшественника, Чехов внес некоторые изменения в применение этих способов согласно своим эстетическим взглядам. Так, справедливо заметила Л. Н. Назарова, что при построении подробного портрета Чехов сосредоточивался лишь на одном или двух героях, и, в отличие от автора «Записок охотника», у Чехова в диалоге «экскурсы в прошлое очень кратки»⁸⁹. На наш взгляд, в основе этих изменений и развития лежит лаконизм, один из главных принципов Чехова.

По мнению ряда исследователей и в соответствии с нашими наблюдениями, влияние тургеневской манеры на рассмотренные чеховские рассказы в самой значительной степени воплощается в пейзаже. Однако проблема описания природы у Тургенева и раннего Чехова заслуживает отдельного изучения, данную тему мы подробно рассмотрим в третьей главе.

Таким образом, можно прийти к выводу, что, обращаясь к крестьянской теме, оба писателя в своих «циклах» рассказов показывают ценные качества простого народа, которые сохранились в его душе, несмотря на угнетенное состояние и трудности неблагополучной жизни.

Учась у предшественника, Чехов не только продолжал его темы, образы, мотивы и следовал за манерой его письма из «Записок охотника», но и развивал их, придавал им собственную оригинальность. Молодой писатель наполнил тургеневские темы, образы и мотивы новым содержанием. Стремясь преодолеть тенденцию идеализации у автора «Записок охотника», Чехов старался создать реальные образы крестьян и их жизнь. Следуя за художественной манерой предшественника, он внес некоторые изменения согласно творческим требованиям и принципам лаконизма и объективности.

⁸⁸ Назарова Л. Н. Указ. соч. С. 128.

⁸⁹ Там же. С. 122.

2.2. Другие тургеневские темы, образы и мотивы в раннем творчестве Чехова

Кроме чеховских рассказов о «вольных людях» из народа», на создание которых явно оказали влияние «Записки охотники», тургеневские темы, образы и мотивы обнаруживаются и в некоторых других ранних произведениях Чехова. Это и составляет предмет исследования в настоящем параграфе нашей работы.

Тургеневские темы и мотивы появляются у Чехова уже в «Безотцовщине»⁹⁰, одном из первых литературных опытов писателя. Как отмечает И. Н. Сухих, эта пьеса имеет «громадный литературный контекст и подтекст»⁹¹, в произведении «присутствуют» многие чеховские писатели-предшественники, в том числе и Тургенев.

Несмотря на насыщенный литературный фон первой пьесы Чехова, никак нельзя видеть в ней чистое повторение и компиляцию чужих литературных находок. Новизна произведения, по словам А. В. Кубасова, была связана с «переосмыслением и своеобразным “продолжением” чужого материала, чужих героев и ситуаций»⁹².

И. В. Алехина указала на иные представления Чехова о тургеневской проблеме «отцов и детей» и мотиве угасания дворянских гнезд. Трудно не согласиться с исследовательницей в том, что в отличие от тургеневского романа, в «Безотцовщине» «уравнены “отцы” и “дети”» и более «подчеркнута

⁹⁰ Другие названия пьесы: «Платонов»; «Пьеса без названия».

Основываясь на содержании письма Ал. П. Чехова от 14 октября 1878 года, М. П. Громов предположил, что пьеса была написана в 1878–1881 годах. См.: Громов М. П. Чехов. Серия ЖЗЛ. М., 1993. С. 70.

⁹¹ Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова [Электронный ресурс]. Л., 1987. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/kritika/suhih-problemy-poetiki-chehova/pervaya-drama.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

⁹² Кубасов А. В. Проза Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998. С. 146.

их общность»⁹³ : «духовное неблагополучие, дезориентированность» и страдание от «своей бездельности, непонимания себя и жизни»⁹⁴. И именно изображение таких жителей в «дворянских гнездах», которые не понимают себя и друг друга, отлучены от счастья, по мнению исследовательницы, отражает чеховский «иной этап в осмыслении связей человека с миром, общей жизнью»⁹⁵. Таким образом, в своей первой пьесе Чехов наполнил тургеневскую тему и мотив своим пониманием, а также соотнес их с явлениями и проблемами, характерными для современного ему общества.

Тема «отцов и детей» наблюдается и в раннем рассказе Чехова «Святая простота» (1885), где сюжет вращается вокруг отношений между двумя поколениями: известный и состоятельный московский адвокат захотел посетить своего отца, «престарелого настоятеля» церкви в маленьком городе, «которого он не видал лет 12–15» (Чехов; 4; 248). Отец считает, что роскошная жизнь, описанная адвокатом, — это хвастовство, а для сына полторы тысячи рублей, которые его отец копил за время сорокалетнего служения, являются слишком мелкой и ненужной суммой.

По сравнению с тургеневским романом, в «Святой простоте» представлен контраст, отчуждение и взаимное непонимание двух поколений в более бытовом виде и раскрыта другая проблема — огромный разрыв между жизнью и идеями успешной столичной интеллигенции и провинциального духовенства, который, вероятно, символизирует пропасть между новыми социальными нравами и тенденциями и русскими традициями.

Связь чеховского рассказа с «Отцами и детьми» также отражается в образе персонажей. На это указал П. М. Бицилли. Как отмечает литературовед,

⁹³ *Алехина И. В.* Человек и действительность в пьесе А.П. Чехова «Безотцовщина» // Учебные записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 230.

⁹⁴ *Алехина И. В.* «Дворянское гнездо в изображении А.П. Чехова» // Учебные записки Орловского государственного университета. 2019. № 1. С. 88.

⁹⁵ Там же. С. 90.

в настоятеле Савве «совмещены черты и отца и матери Базарова»⁹⁶ — с одной стороны, как отец в тургеневском романе, он «старается не уронить себя перед ученым сыном»⁹⁷, с другой стороны, Савва обладает «чувством материнской, нерассуждающей, благоговеющей любви к сыну»⁹⁸.

В рассказе «Переполох» (1886) Чехов сознательно связывает своих персонажей с тургеневскими из «Отцов и детей». Указывая на тургеневский интертекст в произведении Чехова, А. В. Кубасов отмечает, что фамилия центрального персонажа у Чехова «создана с помощью метатезы букв в фамилии тургеневской героини: Кушкина — Кукшина»⁹⁹.

Будучи второстепенным персонажем в романе, Кукшина произвела глубокое впечатление на Чехова. Об этом читаем в его письме А. С. Суворину, где данный персонаж был два раза упомянут: «Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички? А Кукшина? Это черт знает как сделано. Просто гениально» (Чехов; П. 5; 174); «Женские отрицательные типы, где Тургенев слегка карикатурит (Кукшина) или шутит (описание балов), нарисованы замечательно и удались ему до такой степени, что, как говорится, комар носа не подточит» (Чехов; П. 5; 175).

Если сравнить чеховскую героиню с тургеневской, то нетрудно заметить, что их сближения проявляются не только в фамилиях, но и в образе. Кукшина считает себя эмансипированной женщиной и защитницей прав женщин: «...за права женщин, которые я поклялась защищать до последней капли крови...» (Тургенев; 7; 66). А Кушкина из «Переполоха» сама стала настоящим владелицей всех прав в семье. Она «забрала, завладела всем» (Чехов; 4; 337),

⁹⁶ Бицilli П. М. Указ. соч. С. 540.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Кубасов А. В. Художественная рецепция И. С. Тургенева в прозе А. П. Чехова. С. 125.

что принадлежало мужу, а ее муж, Николай Сергеич, «ровно ничего не значил в доме», «играл жалкую роль приживала и лишнего человека даже у прислуги» (Чехов; 4; 336). Существует еще одна общая черта у Кукшиной и Кушкиной — обе они считают себя хорошим, добрым человеком. По мнению Базарова, Кукшина, «очевидно, сама себя считала за добродушное и простое существо, и между тем что бы она ни делала, вам постоянно казалось, что она именно это-то и не хотела сделать» (Тургенев; 7; 63). Что касается Кушкиной из рассказа Чехова, которая из-за потери броши необоснованно заподозрила и обыскала всех работающих дома людей, то она считает себя самой обиженной и невинной в данной ситуации: «Так платят мне за мою доброту...» (Чехов; 4; 334)

Кроме того, как указывает А. В. Кубасов, в рассказе «Переполох» еще присутствует Базаров: «Он не без труда опознается в домашнем докторе Кушкиных. Это некто Мамиков, у которого отмечены лишь две способности: сладко улыбаться и говорить сладким голосом» (Чехов; 4; 334). Очевидно, Мамиков напоминает Базарова лишь профессией, его единственные две отмеченные особенности полностью противоположны образу тургеневского героя. Вместо «сладкой улыбки», у Базарова скорее «холодная усмешка» (Тургенев; 7; 162), не говоря уже о том, что, по его убеждению, «говорить красиво — неприлично» (Тургенев; 7; 122). Герой «Отцов и детей» бы никогда не стал последователем и слугой богатых, как Мамиков. По нашему мнению, подчеркивая контраст между Базаровым и своим трансформированным персонажем, Чехов намерен создать комический эффект и акцентировать иронический смысл в своем пародийном произведении.

Внимание молодого писателя, конечно, уделяется не только второстепенным женским персонажам Тургенева, в чеховском раннем творчестве наблюдается и след тургеневских девушек. Это ярко видно в рассказе «Верочка» (1887), который неоднократно ассоциируют с тургеневской «Асей».

Верочка и Ася имеют достаточно много общего в образе — это смелые и чистые девушки, которые перед первой любовью проявляют сильные эмоции и страдают от них. Кроме Аси, на наш взгляд, судя по прогрессивности некоторых мыслей Верочки, еще можно связать ее с такими тургеневскими героинями, как Наталья из «Рудина», Елена из «Накануне» и Марианна из романа «Новь». В доказательство можно привести слова, которые произносит Верочка, чтобы показать свою решимость начать новую жизнь с Огневым: «Я не выношу постоянного покоя и бесцельной жизни, не выношу наших бесцветных и бледных людей, которые все похожи один на другого, как капли воды! Все они сердечны и добродушны, потому что сыты, не страдают, не борются... А я хочу именно в большие, сырые дома, где страдают, ожесточены трудом и нуждой...» (Чехов; 6; 79)

В рассказе «Верочка» еще обнаруживаются сходные ситуации и мотивы с «Асей». Так, обе героини влюбились из-за необычности героев: по словам Гагина, «Асе нужен герой, необыкновенный человек» (Тургенев; 5; 173); а Верочку привлекали именно «оригинальность, ум, добрые, умные глаза <...> задачи и цели жизни» (Чехов; 6; 78) Огнева. Также очень близки ситуации, когда героини признались в любви. На это указывает А. И. Батюто: «Верочка делает признание Огневу в душевном состоянии, слишком похожем на смятение Аси»¹⁰⁰. И в чеховском рассказе, и в тургеневской повести, герои не приняли признаний, и только потом поняли, что упустили любовь. Более того, нельзя не согласиться с П. М. Бицилли, который заметил общие мотивы «отъезда», «ухода», «упущенного момента»¹⁰¹ в конце этих двух сопоставляемых произведений. Как отмечает ученый, конец чеховского

¹⁰⁰ Батюто А. И. Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова (Проблема героя и человека). Статья вторая / А. И. Батюто Избранные труды. СПб., 2004. С. 868.

¹⁰¹ Бицилли П. М. Указ. соч. С. 535.

рассказа, где герой вернулся к дом Верочки, во многом напоминает соответствующий отрывок из повести Тургенева¹⁰².

Л. П. Громов нашел тургеневский след в еще одном чеховском рассказе о любви: «Лирика воспоминаний и сопровождающее ее печальное настроение в финале “Рассказа госпожи NN” напоминают эмоциональное содержание тургеневского стихотворения в прозе “Как хороши, как свежи были розы”, где звучит скорбная музыка, передающая безнадежность одинокого, старого человека»¹⁰³. Между данными двумя текстами, как нам кажется, существуют даже больше сближений, чем указал исследователь.

Название тургеневского произведения было взято из стихотворения И. П. Мятлева «Розы», где речь идет о красоте и скоротечности молодости. Мятлевский стих, появляясь снова и снова в сознании тургеневского лирического героя, то напоминает ему о прошлом, то возвращает его в реальность. В памяти героя хранится его чистая юная любовь и теплая счастливая семейная жизнь, а теперь перед героем лишь темная и холодная комната и старый пес, его «единственный товарищ» (Тургенев; 10; 145). Таким образом, раскрывая одиночество и тоску старости, в своем произведении Тургенев расширил смысл стихотворной строки И. П. Мятлева.

Как в тургеневском «Как хороши, как свежи были розы», в «Рассказе госпожи NN» (1887) также имеются мотивы мгновенной счастливой молодости и безнадежной одинокой старости. Вспоминая о юношеских годах, героиня произносит: «Меня любили, счастье было близко и, казалось, жило со мной плечо о плечо; я жила припеваючи, не стараясь понять себя, не зная, чего я жду и чего хочу от жизни...» (Чехов; 6; 452). Однако, «время шло и шло» (Чехов; 6; 452), у немолодой госпожи NN только остался грустный вздох: «Умер отец, я постарела; все что нравилось, ласкало, давало надежду <...> —

¹⁰² См.: Бицилли П. М. Указ. соч. С. 535.

¹⁰³ Громов Л. П. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st003.shtml> (дата обращения: 06.05.2021).

все это стало одним воспоминанием, и я вижу впереди ровную, пустынную даль: на равнине ни одной живой души, а там на горизонте темно, страшно...» (Чехов; 6; 453).

В своей работе Т. Г. Дубинина заметила сближения Чехова и Тургенева в понимании счастья. Данная точка зрения, на наш взгляд, как раз может быть подтверждена тургеневским «Как хороши, как свежи были розы» и «Рассказом госпожи NN» Чехова, где счастье представлено, по словам исследовательницы, «как что-то призрачное, хрупкое, даже обманчивое»¹⁰⁴.

Тургеневское влияние на раннее творчество Чехова сказалось и в изображении жизни страдающего простого народа. Так, В. Б. Катаев указал присутствие в чеховских ранних рассказах «Ванька» (1884) и «Тоска» (1886) образа московского и петербургского извозчика, который, как отмечает ученый, с 1830–40-х годов начал появляться в произведениях целого ряда писателей, в том числе и Тургенева¹⁰⁵. И справедливо мнение ученого о том, что, обращаясь к представленному многими предшественниками теме, «Чехов дает свое, совершенно новое ее освещение»¹⁰⁶.

Однако, подчеркивая оригинальность толкования темы о московском и петербургском извозчике в «Ваньке» и «Тоске», также имеет смысл рассмотреть сходства между данными двумя рассказами и произведениями писателей-предшественников Чехова по той же теме, в частности тургеневским стихотворением в прозе «Маша».

По нашему мнению, и в «Ваньке», и в «Тоске» творческая оригинальность Чехова построена по схеме, схожей с тургеневской «Машей». В основе сюжета всех этих трех текстов лежат два главных мотива: рассказ

¹⁰⁴ Дубинина Т. Г. Концепт «счастье» в прозе И. С. Тургенева и А. П. Чехова // Спасский вестник. 2016. №. 24. С. 12.

¹⁰⁵ См.: Катаев В. Б. Указ. соч. [Электронный ресурс]. М., 1989. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/kritika/kataeva-literaturnye-svyazi-chehova/toska-realnost-i-literatura.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

¹⁰⁶ Там же.

извозчика о своем несчастье и реакция слушателей на это. Чтобы выделить разные идеи произведений, писатели уделяют двум мотивам разное внимание. Так, в тургеневской «Маше» автор больше подчеркивает несчастье извозчика, чем сочувствие рассказчика к нему, а для замысла рассказа «Ванька» оба мотива одинаково важны — они представлены в основном для раскрытия комической ситуации, в которой пассажир оказывается виновником разорения семьи извозчика и последний не знает правды до самого конца. Что касается «Тоски», то, несомненно, в этом рассказе Чехов больше акцентирует внимание на равнодушное отношение слушателей к высказыванию Ионы, чтобы раскрыть «нравственно-психологическую глухоту людей»¹⁰⁷ и «одиночество человека среди толп»¹⁰⁸.

Помимо этого, в своих произведениях об извозчике оба писателя обращают особое внимание на момент оплаты проезда. Основываясь на этой общей точке опоры, они изображают разные ситуации в соответствии с центральной идеей произведений. В тургеневском стихотворении в прозе седок дает молодому ночному извозчику «лишний пятиалтынный» (Тургенев; 10; 136), что отражает сочувствие лирического героя, гуманного барина, по-видимому, как воплощения самого автора к переживаниям извозчика. В рассказе «Ванька» извозчик дважды просит у пассажира больше денег, но тот, оказавшийся дядей и причиной семейной трагедии извозчика, во второй раз отказывает и уходит. Из этого можно увидеть тяжелую жизнь «балованного» (Чехов; 2; 335) извозчика и черствость пассажира-виновника. Наконец, в рассказе «Тоска», описывая безразличие Ионы к несправедливой

¹⁰⁷ Градобоева А. А. «Тоска» А. П. Чехова: жанровые особенности «рассказа открытия» // Актуальные проблемы филологии. 2019. № 18. С. 35.

¹⁰⁸ Катаев В. Б. Указ. соч. [Электронный ресурс]. М., 1989. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/kritika/kataeva-literaturnye-svyazi-chehova/toska-realnost-i-literatura.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

плате, Чехов подчеркивает его огромную сердечную боль и жажду излияния души.

На основании рассмотренных в этом параграфе произведений, можно сделать вывод о том, что раннее творчество Чехова впитало то лучшее, что было характерно для Тургенева. В произведениях молодого писателя обнаруживаются различные элементы из творчества его предшественника — мотив угасания дворянских гнезд, тема отцов и детей, образы героев из одноименного романа, тургеневские девушки, представления о любви и счастье и др.

В раннем творчестве Чехова тургеневские темы, образы и мотивы чаще всего появляются как воплощение бессознательной преемственности. Однако есть и отдельные случаи, когда молодой писатель сознательно обращается к элементам из работ своего предшественника. Об этом может свидетельствует рассказ «Переполох», где имеются аллюзии на Кукшину и Базарова из «Отцов и детей».

Следует отметить, что, хотя в проанализированных нами сочинениях Чехова и наблюдается тургеневский след, творческая самобытность и оригинальность автора неоспоримы. При этом тургеневские темы, образы и мотивы часто представлены Чеховым в трансформированном виде — молодой писатель придает этим элементам более бытовой характер и наполняет их более современным содержанием.

Более того, в сочетании с тем, что говорилось в предыдущем параграфе, можно сделать вывод, что воплощения тургеневских тем, образов и мотивов в основном сконцентрированы в чеховских рассказах о «“вольных людях” из народа», на которые оказали значительное влияние «Записки охотника» Тургенева.

Глава 3. Творческая манера Тургенева в раннем творчестве Чехова

3.1. Пейзаж в творчестве Тургенева и ранних произведениях Чехова

В предыдущей главе были рассмотрены тургеневские темы, образы и мотивы в ранних произведениях Чехова. Однако стоит заметить, что сходства в этих аспектах вряд ли могут считаться самым убедительным доказательством творческой преемственности двух писателей. В некоторых случаях, как отмечает А. С. Долинин, что такие элементы, как тема, возможно, были взяты молодым писателем из «другого источника» или «окружающей жизни»¹⁰⁹. Данную точку зрения разделяет и С. Е. Шаталов, который считает, что тематические и образные «совпадения» могут служить «свидетельством творческой близости писателей»¹¹⁰, только если у них наблюдается «определенное сходство в творческой манере»¹¹¹.

Соглашаясь с мнением двух исследователей, в этой главе мы попытаемся выяснить тургеневское влияние на художественную манеру раннего Чехова.

Одним из самых ранних появлений тургеневской традиции в произведениях молодого писателя может считаться описание природы, общепризнанным мастером которого был Тургенев. Данный момент довольно часто замечали современники Чехова.

Так, Д. В. Григорович в письме Чехову от 30 декабря 1887 года пишет: «Рассказы “Мечты” и “Агафья” мог написать только истинный художник; <...> все, как должно быть на самом деле; то же самое при описании картин и впечатлений природы: чуть-чуть тронута — а между тем так вот и видишь

¹⁰⁹ Долинин А. С. Указ. соч. С. 334.

¹¹⁰ Шаталов С. Е. Черты поэтики (Чехов и Тургенев) // В творческой лаборатории Чехова. М., 1974. С. 298.

¹¹¹ Там же.

пред глазами; такое мастерство в передаче наблюдений встречается только у Тургенева и Толстого...»¹¹²

Через некоторое время перед Ал. П. Чеховым Д. В. Григорович еще раз похвалил одаренность молодого писателя, которая воплощается в описании природы в «Агафье» (1886), и сопоставил его с Тургеневым: «скажите брату, что такую фразу, как сравнение зари с подергивающимися пеплом угольями был бы счастлив написать Тургенев, если бы был жив. Много, много у него прекрасных мест. Я их все отмечаю. У — талант, у силища!»¹¹³

Сходства чеховского пейзажа с тургеневским отметил и А. Н. Плещеев. Оценивая сборник рассказов «В сумерках» (1887), он выразил свое восхищение: «Когда я читал эту книжку, передо мной незримо витала тень И. С. Тургенева. Та же умиротворяющая поэзия слова, то же чудесное описание природы»¹¹⁴. Аналогичное мнение высказал А. Н. Плещеев и в письме Чехову от 21 января 1888 года: «...описания природы — такие, какие у Вас да у Тургенева встречаются, разве могут быть скучными... по крайней мере для нашего брата “пииты” да и вообще для каждого читателя, у которого есть чувство природы»¹¹⁵.

Замечания Д. В. Григоровича и А. Н. Плещеева о близости тургеневского и чеховского пейзажа были очень меткими. «Тень» Тургенева-пейзажиста действительно нередко наблюдается в творчестве молодого писателя во второй половине 1880-х годов. В качестве примера приведем фрагмент описания природы из чеховского рассказа «Счастье» (1887): «В

¹¹² Переписка А. П. Чехова: В 2 т. / сост. и коммент. М. П. Громова, А. М. Долотовой, В. Б. Катаева. Т. 1. М., 1984. С. 285–286.

¹¹³ Цит. по: А. П. Чехов в воспоминаниях современников / сост., подг. текста, коммент. Н. И. Гитович. М., 1986. С. 661.

¹¹⁴ Литературное наследство: Чехов / ред. В. В. Виноградов и др. М., 1960. Т. 68. С. 294.

¹¹⁵ Переписка А. П. Чехова: В 2 т. / сост. и коммент. М. П. Громова, А. М. Долотовой, В. Б. Катаева. М., 1984. Т. 1. С. 324.

синеватой дали, где последний видимый холм сливался с туманом, ничто не шевелилось: сторожевые и могильные курганы, которые там и сям высились над горизонтом и безграничную степью, глядели сурово и мертво; в их неподвижности и беззвучии чувствовались века и полное равнодушие к человеку; пройдет еще тысяча лет, умрут миллиарды людей, а они все еще будут стоять, как стояли, нимало не сожалея об умерших, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будет знать, зачем они стоят и какую степную тайну прячут под собой.

Проснувшиеся грачи, молча и в одиночку, летали над землей. Ни в ленивом полете этих долговечных птиц, ни в утре, которое повторяется аккуратно каждые сутки, ни в безграничности степи — ни в чем не видно было смысла» (Чехов; 6; 216).

Хорошо известно, что для тургеневского пейзажа характерна поэтичность, живописность, эмоциональная наполненность, «лирико-философская тональность»¹¹⁶, пристальное внимание к детали и склонность к употреблению таких приемов, как метафора, сравнение и антропоморфизм. В приведенном кратком описании природы, как видим, ярко воплощены почти все эти характеристики тургеневского пейзажа, которые сливаются под пером молодого писателя и представляют новую своеобразную природную картину.

Пейзаж в «Счастье», «самом лучшем из всех своих рассказов» (Чехов; П. 2; 219) по словам автора, вполне может считаться отражением тогдашних чеховских эстетических взглядов на описание природы. В письме брату Ал. П. Чехову от 10 мая 1886 года, говоря о способах изображения природы, молодой писатель пишет: «По моему мнению, описания природы должны быть весьма кратки и иметь характер *à propos*. Общие места вроде: “Заходящее солнце, купаясь в волнах темневшего моря, заливало багровым золотом” и проч. <...> — такие общие места надо бросить. В описаниях

¹¹⁶ Громов Л. П. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st003.shtml> (дата обращения: 06.05.2021).

природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. <...> Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употреблять сравнения явлений ее с человеческими действиями и т. д.» (Чехов; П. 1; 242).

Особое внимание современных исследователей уделяется общему в лирико-философском содержании описаний природы у двух писателей. Г. А. Григорян указала на присутствие образа «равнодушной природы» в чеховской «Даме с собачкой» (1898)¹¹⁷, который, по убеждению М. В. Строганова, берет свое начало от И. В. Гете, и был использован А. С. Пушкиным и многими допушкинскими русскими поэтами и писателями, такие как С. П. Жихарев, М. А. Дмитриев и В. Г. Тепляков¹¹⁸. И как отмечает М. П. Громов, этот образ обнаруживается и в творчестве Л. Н. Толстого и Тургенева, где природа была «равнодушной к человеку с его страданиями и страстями»¹¹⁹.

Нетрудно заметить, что в приведенном фрагменте «Счастья» природа также изображена как вечное существование, совершенно бесстрастно смотрящее на всякие изменения в человеческом мире. Как в чеховском рассказе, люди часто считают свое стремление наиболее важным в жизни делом, однако перед равнодушной природой переживания людей, их надежды и убеждения кажутся мгновенными и ничтожными. Такое мышление особенно ярко отражено в конечном предложении тургеневских «Отцов и детей»: «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами:

¹¹⁷ См.: Григорян Г. А. Пейзаж в художественном мире Чехова и Тургенева. Традиции и полемика // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 4. С. 115.

¹¹⁸ См.: Строганов М. В. Тургенев и «равнодушная природа» // И. С. Тургенев: текст и контекст: Коллективная монография / под ред. А. А. Карпова, Н. С. Мовниной. СПб., 2018. С. 24.

¹¹⁹ Громов М. П. Указ. соч. С. 344.

не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (Тургенев; 7; 188)

Таким образом, можем заключить, что Чехов, находящийся на раннем этапе своей писательской карьеры, в значительной степени унаследовал традиции Тургенева-пейзажиста, как с точки зрения творческих характеристик, так и художественного сознания.

Однако, несмотря на множественные сближения описаний природы у двух писателей, вряд ли можно рассматривать Чехова только как тургеневского преемника. Изучая ценный опыт бесспорного мастера-пейзажиста, молодой Чехов не останавливался на подражании манере предшественника, а стремился развивать литературные традиции и пытался вводить новшества.

Как известно, при описании природы Тургенев постоянно прибегает к метафорам, сравнениям и антропоморфизмам, но ассоциации явлений природы с бытовыми явлениями и вещами, подобные выражению «как бережно несомая свечка, затеплится <...> вечерняя звезда» (Тургенев; 3; 86), не являются частыми случаями в тургеневском творчестве. Справедливо заметила Е. В. Тюхова, что Чехов превратил случайный прием предшественника в собственный «новаторский принцип изображения природы»¹²⁰.

Этот прием часто использовался Чеховым в ранних произведениях. Так, одним из самых ярких примеров можно считаться следующие выражения в рассказе «Святою ночью» (1886): «Не помню, когда в другое время я видел столько звезд. Буквально некуда было пальцем ткнуть. Тут были крупные, как гусиное яйцо, и мелкие, с конопляное зерно... Ради праздничного парада вышли они на небо все до одной, от мала до велика, умытые, обновленные, радостные, и все до одной тихо шевелили своими лучами» (Чехов; 5; 92).

¹²⁰ Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи. С. 159.

Данный новаторский принцип Чехова еще особенно ярко воплощается в рассказе «Дачники» (1885): «Луна, точно табаку понюхала, спряталась за облако» (Чехов; 4; 16).

Сравнение явлений природы с повседневными вещами и явлениями человеческой жизни представляет собой прием изображения природы в сниженном виде, который придает ранним произведениям Чехова уникальный юмористический колорит. Кроме того, на наш взгляд, частое употребление этого приема отражает особое внимание писателя к быту, которое, как отмечает А. П. Скафтымов, является важной особенностью как чеховских пьес, так и его повестей и рассказов¹²¹.

Как уже говорилось выше, при изображении природы и Тургенев, и Чехов были склонны останавливаться на деталях, вместо ««панорамных» описаний»¹²². Однако если сравнить такие детальные описания природы у двух писателей, то нетрудно заметить, что между ними есть большое различие: Тургенев часто рисует разнообразные детали пейзажа во всех направлениях вокруг героя, а природные детали у Чехова, как отмечает А. П. Чудаков, всегда даются в соответствии с «наблюдательской позицией»¹²³. Это различие ясно видно в следующих отрывках:

«Молодые отпрыски, еще не успевшие вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими, гладкими стебельками почерневшие, низкие пни; круглые губчатые наросты с серыми каймами, те самые наросты, из которых вываривают трут, лепились к этим пням; земляника пускала по ним свои

¹²¹ См.: Скафтымов А. П. К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова // Поэтика художественного произведения / Сост. В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов. М., 2007. С. 396.

¹²² Катаев В. Б. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/kataeva-literaturnye-svyazi-chehova/napravlenie-spora.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

¹²³ Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М., 2016. 460.

розовые усики; грибы тут же тесно сидели семьями. Ноги беспрестанно путались и цеплялись в длинной траве, пресыщенной горячим солнцем; всюду рябило в глазах от резкого металлического сверкания молодых, красноватых листьев на деревьях; всюду пестрели голубые гроздья журавлиного гороху, золотые чашечки куриной слепоты, наполовину лиловые, наполовину желтые цветы Ивана-да-Марьи...» (Тургенев; 3; 114)

И. С. Тургенев «Касьян с Красивой мечи»

«Лежа я не мог видеть реки. Я видел только верхушки лозняка, теснившегося на этом берегу, да извилистый, словно обгрызенный край противоположного берега. Далеко за берегом, на темном бугре, как испуганные молодые куропатки, жались друг к другу избы деревни, в которой жил мой Савка. За бугром догорала вечерняя заря. Осталась одна только бледно-багровая полоска, да и та стала подергиваться мелкими облачками, как уголья пеплом.» (Чехов; 5; 26)

А. П. Чехов «Агафья» (1886)

«Они идут, идут, но земля все та же, стена не ближе и клочок остается клочком. Мелькнет белый, угловатый булыжник, буерак или охапка сена, оброненная проезжим, блеснет ненадолго большая мутная лужа, а то вдруг неожиданно впереди покажется тень с неопределенными очертаниями; чем ближе к ней, тем она меньше и темнее, еще ближе — и перед путниками вырастает погнувшийся верстовой столб с потертой цифрой или же жалкая березка, мокрая, голая, как придорожный нищий. Березка пролепечет что-то остатками своих желтых листьев, один листок сорвется и лениво полетит к земле... А там опять туман, грязь, бурая трава по краям дороги. На траве виснут тусклые, недобрые слезы.» (Чехов; 5; 396)

А. П. Чехов «Мечты» (1886)

В приведенных фрагментах из ранних чеховских произведений, представленные автором детали либо, как упоминает А. П. Чудаков, могут

быть охвачены взглядом или уловлены слухом¹²⁴, либо, по словам А. А. Белкина, открываются «по мере движения»¹²⁵ героя.

Подчеркивая чеховскую оригинальность и новизну описания природы в соответствии с позицией наблюдателя, А. П. Чудаков пишет: «Пейзаж дочеховской традиции — это обобщенное описание, которое могло быть выполнено без точно обозначенной пространственной позиции описывающего»¹²⁶. С данным мнением нам трудно полностью согласиться. По нашим наблюдениям, при изображении широких картин природы, иногда Тургенев тоже указывает на «наблюдательские позиции». Например, «Я прилег под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная...» (Тургенев; 3; 90) («Бежин луг»); «Я сидел и глядел кругом, и слушал...» (Тургенев; 3; 240) («Свидание»).

Кроме того, в тургеневском творчестве также существуют отдельные случаи, когда пейзаж разворачивается постепенно по мере изменения положения человека. Например, в «Лесу и степи» так описан июльский утренний пейзаж: «Сквозь густые кусты орешника, перепутанные цепкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: под самым обрывом таится источник; дубовый куст жадно раскинул над водою свои лапчатые сучья; большие серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытого мелким, бархатным мхом. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вам лень пошевелинуться. Вы в тени, вы дышите пахучей сыростью; вам хорошо, а против вас кусты раскаляются и словно желтеют на солнце» (Тургенев; 3; 356).

Итак, есть основания полагать, что чеховский новаторский принцип описания природы в соответствии с позицией наблюдателя, как уже упомянутый прием сравнения явления природы с повседневными вещами и

¹²⁴См.: Чудаков А. П. Указ. соч. С. 460–462.

¹²⁵ Белкин А. А. Художественное мастерство Чехова-новеллиста /А. П. Чехов: pro et contra / сост., ред. И. Н. Сухих. СПб., 2010. Т. 2. С. 920.

¹²⁶ Чудаков А. П. Указ. соч. С. 461.

явлениями, был вдохновлен отдельными примерами тургеневских пейзажей. Постоянное внимание Чехова к наблюдательской позиции при изображении природы отражает его стремление к максимальному воспроизведению реальности.

Изучая литературные связи Чехова с Тургеневым в аспекте пейзажа, Г. А. Григорян обобщает, что Чехов в своем творчестве позднего периода «все чаще вступал с предшественником в творческий спор»¹²⁷. О существовании расхождений Чехова как зрелого писателя с Тургеневым в описании природы может свидетельствовать чеховское письмо к А. С. Суворину от 24 февраля 1893 года, где, оценивая ряд тургеневских произведений, писатель пишет: «Описания природы хороши, но... чувствую, что мы уже отвыкаем от описаний такого рода и что нужно что-то другое» (Чехов; П. 5; 175).

Следует отметить, что некоторые несогласия Чехова с предшественником-пейзажистом появляются еще в его ранних художественных сочинениях. Справедлив А. С. Долинин, который на основе сравнения чеховского рассказа «Егерь» (1885) с тургеневским «Свиданием» указал на существенное различие между двумя писателями в пейзаже: пейзаж в тургеневском тексте играет относительно «самостоятельную роль»¹²⁸, а описания природы у Чехова обладают большей функциональностью¹²⁹.

Опираясь на те же материалы, П. М. Бицилли также заметил этот момент. По его мнению, у объемных описаний природы в начале «Свидания» «нет никакой связи с сюжетом рассказа»¹³⁰, а краткий пейзаж в чеховском рассказе намекает на душевное состояние героини и тему произведения. Нельзя не согласиться с мнением ученого о том, что в чеховском пейзаже отражен

¹²⁷ Григорян Г. А. Пейзаж в художественном мире Чехова и Тургенева. Традиции и полемика. С. 115.

¹²⁸ Долинин А. С. Указ. соч. С. 340.

¹²⁹ См.: Там же. С. 362.

¹³⁰ Бицилли П. М. Указ. соч. С. 553

лаконизм, согласно которому, в художественных произведениях «все элементы связаны друг с другом и <...> ничто не может быть замещено чем-либо другим»¹³¹.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что Тургенев как пейзажист оказал на раннее творчество Чехова значительное влияние, проявляющееся не только в творческих характеристиках чеховского пейзажа, но и в художественном сознании молодого писателя.

Восхищаясь тургеневской манерой изображения природы и впитывая его ценный творческий опыт, молодой Чехов не довольствовался лишь усвоением чужих традиций. Основываясь на опыте предшественника и собственном понимании реализма, Чехов стремился найти свои способы представления пейзажа и уже на раннем этапе своего творчества добился определенных результатов.

¹³¹ Бицилли П. М. Указ. соч. С. 554

3.2. Тайная психология Тургенева и психологизм в ранних произведениях Чехова

Тургенев и Чехов считаются общепризнанными писателями-психологами в русской литературе XIX века, что говорит не только о их необычной проницательности в понимании внутреннего мира человека и мастерстве его описания, но и во многом об оригинальности психологизма двух писателей. Однако следует отметить, что психологизм Чехова формировался не без влияния ряда знаменитых художников-психологов, среди которых Тургенев занимает особое место.

Литературная связь Чехова с Тургеневым в сфере психологизма еще довольно мало изучена. В исследование данной проблемы внесли ценный вклад С. Е. Шаталов и Е. В. Тюхова.

Сближение двух писателей в психологизме впервые отмечено С. Е. Шаталовым. Изучая эту тему на материале чеховских зрелых произведений, ученый указывает на продолжение Чеховым тургеневского манера — «традиционная любовно-психологическая коллизия “увязывается” с нравственными исканиями героя, не имеющими подчас прямого отношения к перипетиям любовной истории: нравственное означает особое преломление социального, назревших общественных вопросов»¹³².

У Чехова такой способ организации идейно-образного материала наблюдается и в отдельных ранних художественных текстах. Так, в «Рассказе госпожи NN» представлена бесплодная история любви «исправляющего должность судебного следователя» Петра Сергеича и героини, госпожи NN, показан разрыв между социальными классами и раскрыта людская лень, вялость и удовлетворенность существующим положением перед судьбой и течением времени.

¹³² Шаталов С. Е. Указ. соч. С. 299.

Читая чеховские произведения разных периодов, нетрудно заметить, что сочетание любовно-психологической коллизии и душевных исканий героя не является яркой спецификой раннего творчества Чехова, и действительно, как отмечает С. Е. Шаталов, «повышенное внимание к нравственным проблемам»¹³³ характерно для прозы писателя 1890-х годов. В нашей работе мы не будем подробно останавливаться на данной проблеме.

В изучении преемственной связи чеховского психологизма с тургеневским важным шагом сделала Е. В. Тюхова, которая указывает на влияние тайной психологии Тургенева на чеховский психологизм, носящий скрытый характер. В своей работе исследовательница подчеркивает сближение психологизма двух писателей в общем плане: «отказ от аналитического разложения чувства, стремление к синтезу»¹³⁴, а также тезисным образом перечисляет сходные приемы изображения внутреннего мира человека у двух писателей-психологов: «опредмечивание чувства», «очеловечивание вещи», «дискретное изображение психологии», «приемы долгой паузы и умолчания о процессах внутренней жизни», «использование образов-символов» и «несобственно-прямая речь»¹³⁵.

Исходя из работ двух исследователей, можно заключить, что литературная связь Чехова с Тургеневым в сфере психологизма еще требует дальнейших изысканий: как общие принципы, так и конкретные методы психологического описания у двух писателей нуждаются в более детальном и глубоком сравнительном исследовании. В этом параграфе мы подробно рассмотрим сближение психологизма в ранних произведениях Чехова с тайной психологией Тургенева и попытаемся выяснить причины появления таких сходств.

¹³³ Шаталов С. Е. Указ. соч. С. 299.

¹³⁴ Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи. С. 165.

¹³⁵ Там же.

Сначала приведем два примера типичного психологического изображения из тургеневского творчества и раннего творчества Чехова:

«Он приподнялся и хотел возвратиться домой; но размягченное сердце не могло успокоиться в его груди, и он стал медленно ходить по саду, то задумчиво глядя себе под ноги, то поднимая глаза к небу, где уже роились и перемигивались звезды. <...> О, как Базаров посмеялся бы над ним, если б он узнал, что в нем тогда происходило! Сам Аркадий осудил бы его. У него, у сорокачетырехлетнего человека, агронома и хозяина, наворачивались слезы, беспричинные слезы; это было во сто раз хуже виолончели.» (Тургенев; 7; 56)

И. С. Тургенев «Отцы и дети»

«Володя остался один. Он пригладил свои волосы, улыбнулся и раза три прошелся из угла в угол, потом сел на скамью и улыбнулся еще раз. Ему было невыносимо стыдно, так что даже он удивлялся, что человеческий стыд может достигать такой остроты и силы. От стыда он улыбался, шептал какие-то несвязные слова и жестикулировал.» (Чехов; 6; 200)

А. П. Чехов «Володя» (1887)

В первом фрагменте психические движения Николая Петровича представлены через авторское повествование, а не путем внутреннего монолога героя. Тургенев подчеркивает несколько физических движений Николая Петровича, которые являются внешним отражением происходящего у него в душе. Отсюда видим, что писатель не склонен описывать процессы психологизма, а акцентирует внимание на определенных характерных стадиях душевных движений. Это скрытый психологизм — психические процессы героя раскрываются с помощью внешних проявлений, по которым можно судить о важных этапах и результате внутренних переживаний.

Нельзя не согласиться с А. Б. Есиным, который считает, что Тургенев стремится «максимально приблизиться к воспроизведению внутренней жизни человека в ее реальном виде»¹³⁶, подчеркивая, что писатель сосредоточивается

¹³⁶ Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М., 2017. С. 87.

на внутреннем состоянии героя, а не на психологических процессах и анализе; больше фокусируется на изображении целостности и эмоциональном аспекте внутренних движений героя, чем на рациональной стороне¹³⁷. В приведенном нами выше примере также наблюдаются эти характерные черты.

Принцип психологического изображения у Тургенева известен как «тайная психология». Суть его лаконично изложена П. Г. Пустовойтом: «Следуя своему принципу, писатель никогда не изображал весь психический процесс, происходящий в человеке, он задерживал внимание читателя лишь на внешних формах его проявления»¹³⁸.

Что касается приведенного фрагмента из чеховского рассказа «Володя», то в нем изображены внутренние движения Володи, объяснившегося в любви тридцатилетней замужней женщине Нюте. Чехов почти не пишет о том, что и как думает герой, а в основном описывает его телодвижения и мимические движения, которые отражают общее психологическое состояние Володи — состояние влюбленности, смущение и смятение. Очевидно, что здесь основное внимание Чехова уделяется не подробным процессам психических движений героя, а общему эмоциональному тону.

Не только приведенный нами пример, но и психологизм Чехова в целом производит такое впечатление, на что указывает современник писателя Л. Е. Оболенский: «Чехов рисует почти только одну внешнюю сторону явлений, не стараясь почти ни разу проникнуть в мир душевный всех этих людей. Когда один из героев рассказа бьет кулаком в лицо свою жену, вы только смутно можете догадываться, что она должна чувствовать. Чехов описывает только внешние проявления ее страданий!»¹³⁹ Здесь критик указал сразу на три важные характерные черты психологизма Чехова: изображение

¹³⁷ См.: Там же.

¹³⁸ Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев — художник слова. М., 1980. С. 9.

¹³⁹ Оболенский Л. Е. Народ в жизни и народ в литературе // Одесский листок. 1897.

«внутреннего» с помощью «внешнего», смутность и, по словам А. Б. Есина, «расчет на читательское сотворчество»¹⁴⁰.

Итак, как видно из приведенных примеров, психологические описания у Тургенева и раннего Чехова в целом имеют много общего. Для психологизма обоих писателей характерна неочевидность, скрытность и смутность. По сравнению с рациональной стороной душевных движений, центральное внимание писателей уделяется эмоциональному состоянию человека. При описании внутреннего мира героя, писатели часто не представляют анализ и не останавливаются подробно на процессах психологической деятельности, а фокусируются на основных этапах, результатах душевных движений и общих ощущениях героя, и описывают все это «внутреннее» через внешнее. На основе этих принципов, психологическое изображение у Тургенева и раннего Чехова дает максимально естественное ощущение.

Специфические черты психологизма Тургенева и раннего Чехова являются результатом влияния многих факторов, таких как их собственные эстетические взгляды, понимание реальности, художественные задачи и т. д.

Е. В. Тюхова справедливо заметила, что принцип скрытого психологизма у двух писателей, прежде всего, исходит из их общей мысли о «недоступности для рационального знания глубинной сущности личности»¹⁴¹. Так, в повести «Вешние воды» пропуская душевные движения Санина, получившего ответное письмо Джеммы, Тургенев пишет: «Подобным чувствам нет удовлетворительного выражения: они глубже и сильнее — и неопределеннее всякого слова» (Тургенев; 8; 383).

Тургенев не одобрял подробных и открытых описаний психологических процессов. Оценивая психологию Л. Н. Толстого в «Войне и мире», он выразил несогласие: «настоящего развития нет ни в одном характере <...> а есть старая замашка передавать колебания, вибрации одного и того же чувства,

¹⁴⁰ Есин А. Б. Указ. соч. С. 172.

¹⁴¹ Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи. С. 165.

положения, то, что он столь беспощадно вкладывает в уста и в сознание каждого из своих героев <...> Уж как приелись и надоели эти quasi-тонкие рефлексии и размышления, и наблюдения за собственными чувствами!» (Тургенев; П. 8; 129)

Принципы психологического изображения у Тургенева сильно отличаются от толстовского: первый почти всегда предпочитал скрытые психологические описания. Подчеркивая «тайность» психологизма, Тургенев пишет: «Поэт должен быть психологом, но тайным: он должен знать и чувствовать корни явлений, но представляет только самые явления — в их расцвете или увядании» (Тургенев; П. 4; 243). Он также отмечал: «Психолог должен исчезнуть в художнике, как исчезает от глаз скелет под живым и теплым телом, которому он служит прочной, но невидимой опорой» (Тургенев; 4; 495).

Согласно психологическим описаниям в творчестве Тургенева, мы считаем, что «тайность» тургеневской психологии в основном воплощается в двух аспектах. Прежде всего, как мы уже отметили, вместо психологических процессов Тургенев часто представляет только основные стадии и результаты внутренних движений героя с помощью внешних проявлений. Кроме того, психологические описания у Тургенева характеризуются небольшим объемом и часто разбросаны по тексту, что называется А. Б. Есиным «композиционным приемом “разбивки”»¹⁴². Ученый также указал на подобную характеристику психологических описаний Чехова, по его мнению, писатель «“разбрасывает” их по тексту <...> Психологическое состояние персонажа, складываясь из этих штрихов, выясняется постепенно и незаметно для читателя»¹⁴³. Таким образом, в творчестве двух писателей психологические фрагменты всегда уравниваются с развитием действия, создают впечатление гармонии и естественности.

¹⁴² *Есин А. Б.* Указ. соч. С. 99.

¹⁴³ Там же. С. 162.

Что касается психологизма Чехова, то он тесно связан с творческими принципами писателя. Одним из самых известных выражений писателя является «Краткость — сестра таланта» (Чехов; П. 3; 188). Чеховский лаконизм полностью воплощается и в его психологическом изображении. Писатель пишет в письме брату Ал. П. Чехову от 10 мая 1886 года: «Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев» (Чехов; П. 1; 242). Очевидно, что Чехов имел склонность описывать душевное состояние героя кратко и изображать «внутреннее» с помощью «внешнего».

Исходя из этого, эстетические взгляды Чехова и Тургенева, особенно на психологическое изображение, имеют немало общего — это неслучайно. Как мы сказали в выводах ко второму параграфу первой главы, молодой Чехов в значительной степени видел в своем предшественнике эстетический критерий. Таким образом, их общие эстетические воззрения относительно психологизма могут во многом свидетельствовать о влиянии Тургенева на творчество Чехова.

Говоря о психологизме раннего Чехова, следует также обратить внимание на основные объекты описания в его произведениях. Выбор и использование методов психологического описания часто связаны с характеристиками персонажей, которых писатель пытается изображать. Объектом описания у Чехова, особенно в его ранних произведениях, нередко являются «маленькие люди». Известно, что под пером молодого Чехова внутренний мир представителей данного класса часто беден и прост, у них нет возможности нравственного возрождения. В отношении писателя к этим персонажам можно увидеть сочувствие, но в большей степени иронию. Молодой писатель высмеивает их отсталость, ограниченность, подбострастие и другие отрицательные качества. Изображая внутренний мир таких персонажей, вряд ли нужно представлять сложные процессы, происходящие в их душах, потому что они, скорее всего, лишены таких переживаний.

Сближение психологизма в ранних произведениях Чехова с тайной психологией Тургенева наблюдаются и в некоторых конкретных приемах.

На основе приведенных нами примеров, уже сделан вывод, что оба писателя склонны показывать внутреннее состояние через внешнюю характеристику персонажей. Однако этим приемом так или иначе пользовались почти все писатели. Дальше мы попытаемся обнаружить более репрезентативные особенности использования этого приема у двух писателей.

При выборе внешних признаков Тургенев обращает особое внимание на движения, а не на внешность персонажей. Последнее часто намекает на характер персонажей, а первое отражает их душевные движения. В качестве примера приведем героиню «Накануне» Елену. Такие характерные детали ее портрета, как «сжатый рот и довольно острый подбородок» (Тургенев; 6; 182), говорят о ее твердом характере. Но только наблюдая за ее движениями («содрогнуться», «задуматься» и кратко и поспешно задавать вопросы), можно уловить изменения во внутреннем мире Елены.

Такая же ситуация у раннего Чехова. Хорошо известно, что писатель редко давал подробное описание портрета персонажей. Читая художественные тексты молодого писателя, мы часто получаем только самое общее впечатление о внешности персонажей и редко узнаем более детальные признаки, например, как конкретно выглядит их лицо и глаза. Таким образом, Чехов также предпочитает изображать внутренний мир человека с помощью движений, а не портретных характеристик персонажей.

Например, из фрагмента рассказа «Толстый и тонкий» (1883) «Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры» (Чехов; 2; 251), читатели не могут узнать, как конкретно выглядит Тонкий, но его сложные душевные движения уже ясно выражены в его мимике.

Другой спецификой использования приема изображения «внутреннего» через «внешнее» у двух писателей является то, что они часто специально

подчеркивают несоответствие между «внешним» и «внутренним» своего героя.

Г. Б. Курляндская указывает, что самые сильные эмоции персонажей Тургенева не выражаются в взволнованных внешних движениях, наоборот, когда их душа сильно шокирована, они часто остаются внешне спокойными¹⁴⁴. Действительно, когда Наталья осознала свою любовь к Рудину, она сидела «перед своим маленьким фортепьяно <...> то брала аккорды, едва слышные, чтобы не разбудить m-lle Voncourt, то прикивала лбом к холодным клавишам и долго оставалась неподвижной» (Тургенев; 5; 262); при последней встрече с Лаврецким Лиза «прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смирненной походкой монахини — и не взглянула на него» (Тургенев; 6; 158), хотя ее душевные ощущения, безусловно, очень сильны и сложны.

Несоответствие между «внешним» и «внутренним» героя наблюдается и в творчестве Чехова разных периодов. Об этом справедливо делает вывод А. Б. Есин: «Внешнее выражение у героев Чехова почти всегда не совпадает с внутренним состоянием, иногда парадоксально ему не соответствует»¹⁴⁵. По мнению ученого, это, прежде всего, связано с мнением писателя о невозможности полностью и совершенно точно раскрыть переживания персонажей, кроме того, этот прием призывает читателей к сотворчеству¹⁴⁶.

Важное значение при передаче «внутреннего» через «внешнее» у обоих писателей имеют бессознательные движения и жесты. Так, например, после объяснения с Базаровым Одинцова «до обеда не показывалась и все ходила взад и вперед по своей комнате, заложив руки назад, изредка останавливаясь то перед окном, то перед зеркалом, и медленно проводила платком по шее, на которой ей все чудилось горячее пятно» (Тургенев; 7; 98).

¹⁴⁴ См.: Курляндская Г. Б. Художественный метод Тургенева-романиста. Тула, 1972.

¹⁴⁵ Есин А. Б. Указ. соч. С. 172.

¹⁴⁶ См.: Там же.

В приведенном фрагменте то, о чем думает Одинцова, остается не объясненным и смутным. Однако с помощью описания бессознательных движений героини писатель раскрывает ее душевное смятение и бессилие рациональности перед сильными эмоциями. В данном случае, читателям приходится самим догадываться о душевных движениях героини, что опять отражает важный момент в тайной психологии Тургенева — сотворчество с читателями.

В качестве примера бессознательных движений и жестов в раннем творчестве Чехова приведем фрагмент из рассказа «Тайна» (1887). Опять увидев таинственную подпись Федюкова, постоянно появлявшуюся на листе посетителей, Навагин «вздрогнул, удивленно фыркнул и, изобразив на лице своем крайнее изумление, щелкнул пальцами» (Чехов; 6; 148). А когда он узнал, что Федюков оказался его знакомым дьячком, «в немом оцепенении, ничего не понимая, не слыша, Навагин зашагал по кабинету. Он потрогал портьеру у двери, раза три взмахнул правой рукой, как балетный *jeune premier*, видящий ее, посвистал, бессмысленно улыбнулся, указал в пространство пальцем» (Чехов; 6; 152).

Нельзя не согласиться с А. П. Чудаковым, который отмечает, что Чехов обращается к бессознательным жестам и движениям, когда переживания персонажей являются неясными, смутными и трудноопределимыми¹⁴⁷. С помощью этих движений и жестов, в рассказе «Тайна» Чехов ярко показал страх, необычайное удивление и смешанные чувства героя.

Другой репрезентативный прием психологизма у двух писателей — это пейзажные зарисовки. Тургенев и молодой Чехов имеют много общего в использовании данного приема, что снова свидетельствует о продолжении Чеховым тургеневской пейзажной манеры.

Первый общий момент — это то, что под влиянием сильных субъективных эмоций, объективный пейзаж изменяется, и этот

¹⁴⁷ Чудаков А. П. Указ. соч. С. 560.

деформированный пейзаж становится конкретным воплощением психологического состояния героя. Сидя на лодке, пущенной вниз по течению Рейна, герой тургеневской повести «Ася» смотрит кругом, но тихая природа становится беспокойной под влиянием душевного волнения героя: «поднял глаза к небу — но и в небе не было покоя: испещренное звездами, оно все шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился к реке... но и там, и в этой темной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звезды» (Тургенев; 5; 177). Здесь с помощью психологического пейзажа выражены сложные и необычные чувства господина Н. Н. к Асе и его беспокойство из-за появления таких чувств.

Эта специфика в использовании психологического пейзажа у Чехова была четко изложена А. Б. Есиным: «Если кратко охарактеризовать главную особенность его пейзажа, то можно сказать, что психологическое состояние персонажей не прямо воссоздается, а “приписывается” нейтральным самим по себе картинам природы <...> Душевный настрой героев привносит в картины природы тот смысл, которого в них объективно нет»¹⁴⁸. Ученый также сделал убедительный вывод о функции данного приема. По его мнению, он помогает создать психологическую атмосферу и способствует читательскому сотворчеству¹⁴⁹.

Кроме того, при использовании психологически окрашенных пейзажных зарисовок оба писателя постоянно обращаются к символическим природным образам. Так, в повести «Первая любовь» гроза представлена как символ муки и душевной драмы героя: «“Гроза”, — подумал я, — и точно была гроза, но она проходила очень далеко, так что и грома не было слышно; только на небе непрерывно вспыхивали неяркие, длинные, словно разветвленные молнии: они не столько вспыхивали, сколько трепетали и подергивались, как крыло умирающей птицы» (Тургенев; 6; 322).

¹⁴⁸ Есин А. Б. Указ. соч. С. 169.

¹⁴⁹ См.: Там же.

Такие символические средства довольно часто наблюдаются в раннем творчестве Чехова. Например, в «Тяжелых людях» (1886) после спора с отцом, Петр вышел наружу и увидел осеннюю картину: «В воздухе стояла осенняя, пронизывающая сырость. Дорога была грязна, блестели там и сям лужицы, а в желтом поле из травы глядела сама осень, унылая, гнилая, темная. По правую сторону дороги был огород, весь изрытый, мрачный, кое-где возвышались на нем подсолнечники с опущенными, уже черными головами» (Чехов; 5; 326). Очевидно, что желтое поле, подсолнечники с черными, опущенными головами и некоторые другие символические детали пейзажа служат отражением тоски, печали и одиночества в душе студента Петра.

В повествовании Тургенева и Чехова можно часто столкнуться с ритмической упорядоченностью. Если речь идет о их психологизме, то, на наш взгляд, такая ритмичность речи также может считаться особым приемом передачи душевного состояния персонажей.

Описывая сцену появления любви Санина и Джеммы, Тургенев использовал много ритмических выражений: «...сама земля, казалось, затрепетала под ногами, тонкий звездный свет задрожал и заструился, самый воздух завертелся клубом. **Вихорь, не холодный, а теплый, почти знойный, ударил по деревьям, по крыше дома, по его стенам, по улице** <...> Санин приподнялся и увидал над собою **такое чудное, испуганное, возбужденное лицо, такие огромные, страшные, великолепные глаза**» (Тургенев; 8; 297). Звуковой повтор («з») в приведенном фрагменте позволяет читателям ощущать потрясение как в природе, так и в душе героев, а синонимические ряды представляют развитие и усиление эмоций.

В чеховском раннем рассказе «Толстый и тонкий» (1883), когда Тонкий узнал, что старый друг уже стал тайным советником, «сам он съежился, сгорбился, сузился...» (Чехов; 2; 251). Писатель с помощью звукового повтора и повторения приставки «с» иронически описывает ряд быстрых и последовательных движений сверху вниз у Тонкого, которые служат внешним отражением привычных для него лести и желания заискивать перед Толстым.

Приведем еще один пример из чеховского рассказа «Тяжелые люди» (1886). После высказывания своих искренних слов отцу и спора с ним, «Студент пошел к себе и тихо лег. *До самой полночи лежал он неподвижно и не открывая глаз. Он не чувствовал ни злобы, ни стыда, а какую-то неопределенную душевную боль. Он не обвинял отца, не жалел матери, не терзал себя угрызениями*; ему понятно было, что все в доме теперь испытывают такую же боль, а *кто виноват, кто страдает более, кто менее*, богу известно...» (Чехов; 5; 329) Ритмические описания психологических движений героя, как музыка, постепенно водят читателей в самое сердце Петра и заставляют их сопереживать герою.

Другой прием, характерный для психологического изображения у двух писателей — это умолчание. Подчеркивая оригинальность приема умолчания в психологизме Тургенева, А. Б. Есин говорит, что писатель «одним из первых начал сознательно и более или менее регулярно применять такую форму изображения внутреннего мира»¹⁵⁰. Например, Тургенев использовал «умолчание» для изображения психологического состояния Одинцовой и Базарова после их беседы: «Лампа еще долго горела в комнате Анны Сергеевны, и долго она оставалась неподвижно <...> А Базаров, часа два спустя, вернулся к себе в спальню с мокрыми от росы сапогами, взъерошенный и угрюмый» (Тургенев; 7; 94).

В приведенном фрагменте душевные движения героев не показаны напрямую, но читатели могут легко догадываться о их внутреннем состоянии. Это во многом говорит о необычном мастерстве психологического изображения у Тургенева. Так, под молчанием и «неподвижностью» Одинцовой скрывается ее волнение и сложное душевное состояние — осознание течения времени, желание начать новую жизнь и страх перед зарождающейся любовью, а в молчании Базарова можно видеть его бесплодную внутреннюю борьбу с самим собой.

¹⁵⁰ Есин А. Б. Указ. соч. С. 101.

В психологическом изображении молодого Чехова можно часто сталкиваться с умолчанием, и этот прием также использован лишь тогда, когда этот прием позволяет сделать безошибочный и однозначный вывод о душевном состоянии героев. В рассказе «Лишние люди» (1886) два лишних человека в своей семье снова встретились и вели разговор: «вздыхают рыжие панталоны. — Природой наслаждаюсь <...> А вы тоже изволите природой наслаждаться?»

— Да, — мычит Зайкин, — и я тоже природой... Не знаете ли, нет ли тут где-нибудь поблизости какого-нибудь кабака или трактирчика?

Рыжие панталоны поднимают глаза к небу и глубокомысленно задумываются...» (Чехов; 5; 204)

Очевидно, что «рыжие панталоны» понял своего товарища по несчастью, который, как и он, печально размышляет о своей жизни и положении в семье.

Еще одним общим приемом психологического изображения у Тургенева и раннего Чехова, как уже заметила Е. В. Тюхова, является несобственно-прямая речь¹⁵¹, которая часто использовалась обоими писателями вместо внутреннего монолога.

Например, в повести «Вешние воды» Тургенев показывает переживания Санина после дуэли с бароном Дёнгофом с помощью несобственно-прямой речи: «Санину было немножко совестно и стыдно... хотя, с другой стороны, что же ему было сделать? Не оставлять же без наказания дерзости молодого офицера, не уподобиться же г-ну Клуберу? Он заступился за Джемму, он защитил ее... Оно так; а все-таки у него скребло на душе, и было ему совестно, и даже стыдно» (Тургенев; 8; 304).

¹⁵¹ См.: Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи. С. 165. Подробнее о несобственно-прямой речи см.: Шмид. В. Нарратология. М., 2003. 312 с.; Успенский Б. А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970. 223 с.

В чеховском рассказе «Муж» (1886) душевные движения Анны Павловны также изображены через несобственно-прямую речь: «она шла и спрашивала себя: за что ее покарал так господь бог? Было ей горько, обидно и душно от ненависти, с которой она прислушивалась к тяжелым шагам мужа. Она молчала и старалась придумать какое-нибудь самое бранное, едкое и ядовитое слово, чтобы пустить его мужу, и в то же время сознавала, что ее акцизного не проймешь никакими словами. Что ему слова? Беспомощнее состояния не мог бы придумать и злейший враг» (Чехов; 5; 246).

В приведенных фрагментах можно заметить два важных различия между несобственно-прямой речью и внутренним монологом. Прежде всего, несобственно-прямая речь часто является более сжатой и содержательной, иногда может заменить длинные психологические описания. Склонность к использованию этого приема соответствует принципу лаконизма у обоих писателей. Более того, в несобственно-прямой речи писатели словно участвуют в душевных движениях персонажей, что позволяет читателям сопереживать персонажам и углубиться в их внутренний мир. Таким образом, психологический мир персонажей становится более близким и понятным для читателей.

Согласно мнению А. Б. Есина, приемы психологического изображения можно разделить на три формы: прямую, косвенную и суммарно-обозначающую¹⁵². Кроме несобственно-прямой речи, все проанализированные нами приемы, которые регулярно использованы в творчестве обоих Тургенева и молодого Чехова, можно подвести под косвенную форму воспроизведения внутреннего мира. Это опять свидетельствует о «тайности» и «скрытости» психологизма двух писателей.

Ввиду того, что все примеры, приведенные нами выше, взяты из прозаических произведений писателей, следует заметить, что склонность

¹⁵² См.: Есин А. Б. Указ. соч. С. 129.

использовать косвенные приемы психологического изображения наблюдается и в пьесах Тургенева и некоторых ранних драматических опытах Чехова.

Например, как отмечает А. П. Чудаков, до переработки «Иванова» (1887) современники Чехова единодушно указали на нехватку ясности, конкретности и открытости изображения внутреннего мира в пьесе. В «Лешем» (1889) Чехов также обращается к «неявным, скрытым формам проявления внутреннего мира»¹⁵³.

Что касается пьес Тургенева, то в них можно столкнуться с множественными ремаркам, определяющим движения, жесты, эмоции, интонации и др. Кроме того, использование многоточия, означающего умолчание, паузу, или незавершенность диалога и монолога, также принадлежит к косвенной форме воспроизведения внутреннего мира персонажей¹⁵⁴.

В итоге, можно сделать вывод, что психологизм в раннем творчестве Чехова имеет много общего с тургеневской тайной психологией — для психологизма обоих писателей характерна неочевидность, скрытность, смутность и крайняя естественность.

Судя по содержанию психологических описаний у двух писателей, оба они сосредотачиваются на описании общего душевного состояния персонажей и основных этапов внутренних движений, а не на детальных процессах; они подчеркивают эмоции персонажей, а не рациональный анализ. Более того, описания часто остаются смутными и не объясненными, что отражает важный принцип психологизма Тургенева и Чехова: расчет на сопереживание и сотворчество читателей¹⁵⁵.

¹⁵³ Чудаков А. П. Указ. соч. С. 603.

¹⁵⁴ См.: Сухих И. Н. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/kritika/suhih-problemy-poetiki-chehova/pervaya-drama.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

¹⁵⁵ См.: Есин А. Б. Указ. соч. С. 172.

Если речь идет о форме психологического изображения, то психологические описания у обоих писателей характеризуются небольшим объемом и балансом с развитием действия, и чаще всего представлены через косвенную форму воспроизведения внутреннего мира.

Сближения психологизма раннего Чехова с тайной психологией Тургенева воплощаются и во многих конкретных приемах, как то: ритмическая организация речи в психологических описаниях, умолчание и несобственно-прямая речь. Кроме того, при изображении внутреннего состояния персонажей через их описание их внешности, и Тургенев, и молодой Чехов обращают особое внимание на движения, а не на портретные характеристики, используют бессознательные движения и жесты и часто подчеркивают несоответствие между «внешним» и «внутренним». Что касается пейзажа, то у обоих авторов объективный пейзаж нередко изменяется под влиянием сильных эмоций персонажей; писатели постоянно пользуются символическими природными образами.

Судя по множественным сближениям психологизма раннего Чехова с тайной психологией Тургенева, которые наблюдаются как в общем плане, так и в конкретных приемах, значительное влияние Тургенева на формирование чеховского психологизма несомненно.

На наш взгляд, появление такой преемственной связи, прежде всего, основано на некоторых общих художественных принципах обоих писателей, среди которых лаконизм, стремление к естественности и максимальному воспроизведению реальности, и, как заметила Е. В. Тюхова, мысль о «недоступности для рационального знания глубинной сущности личности»¹⁵⁶. Более того, основной объект описания в раннем творчестве Чехова — «маленький человек», лишенный сложных внутренних переживаний и возможности духовно-нравственного возрождения, также определяет скрытность и неочевидность психологизма у раннего Чехова.

¹⁵⁶ Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи. С. 165.

Заключение

Из проведенного исследования следует, что влияние Тургенева на раннее творчество Чехова было значительным и многогранным. Это проявляется во многочисленных высказываниях чеховских персонажей о Тургеневе и тургеневских темах, мотивах, образах и творческой манере в ранних произведениях Чехова. Тургеневские традиции в ранних произведениях Чехова во многих случаях являются следствием того, что молодой писатель в поисках собственного пути и новаторских приемов, а также стремясь к максимально объективному воспроизведению действительности, учился у своего предшественника.

Особое значение Тургенева-художника для молодого Чехова как читателя и писателя заметно в чеховских письмах, где нередко упоминается имя Тургенева. Эти упоминания свидетельствуют о большом интересе молодого писателя к творчеству предшественника и хорошем знании Чеховым тургеневского стиля и разных элементов его произведений.

Однако ранние письма Чехова также демонстрируют, что, восхищаясь творчеством Тургенева, Чехов не видел в нем абсолютный авторитет. Произведения Тургенева оценивались Чеховым довольно объективно в соответствии с принципами русского реализма и собственными литературными убеждениями, хотя данные убеждения, несомненно, сформировались не без влияния Тургенева.

Имя Тургенева часто появляется и в ранних художественных произведениях Чехова, где высказывания о Тургеневе, служившем для Чехова эстетическим критерием, использованы в качестве особого приема, который выполняет разные функции в текстах: аллюзии, функции изображения

персонажей¹⁵⁷, создания комического эффекта, объявления авторской позиции и придания произведениям «актуальности» и «злободневности»¹⁵⁸, которая была важна для «малой прессы».

Тургеневское влияние на раннее творчество Чехова ярко проявляется в таких аспектах, как темы, образы и мотивы. Судя по этим элементам, можно считать рассказы, названные Г. А. Бялым «чеховскими “Записками охотниками”»¹⁵⁹, наиболее концентрированным воплощением влияния Тургенева на раннее творчество Чехова. Кроме крестьянской темы и образов «“вольных людей” из народа»¹⁶⁰, в ранних произведениях Чехова также наблюдаются другие тургеневские элементы такого рода: мотив угасания дворянских гнезд, тема отцов и детей, образы героев из одноименного романа, тургеневские девушки и др.¹⁶¹

Учась у предшественника, Чехов не только продолжал его темы, образы, мотивы, но и развивал их, придавая им оригинальность. Во многих случаях Чехов наполнял тургеневские элементы более современным содержанием, бытовыми подробностями и представлял их в более объективном свете.

¹⁵⁷ На характеристическую функцию высказываний чеховских персонажей о Тургеневе указали И. Г. Ямпольского, З. С. Паперный, Е. В. Тюхова и Г. А. Григорян. Мы разделяем мнение Е. В. Тюховой о том, что «присутствие» Тургенева в чеховских произведениях позволяет раскрыть не только отрицательные черты персонажей, но и положительные. См.: *Ямпольский И. Г.* Указ. соч. С. 275–300.; *Паперный З. С.* Указ. соч. С. 127–136; *Тюхова Е. В.* Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова. С. 97–111.; *Григорян Г. А.* А. П. Чехов — читатель и критик И. С. Тургенев. С. 96–141.

¹⁵⁸ *Оверина К. С.* Указ. соч. С. 9.

¹⁵⁹ *Бялый Г. А.* Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/byalyj-russkij-realizm/zapiski-ohotnika.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ См.: *Алехина И. В.* «Дворянское гнездо в изображении А.П. Чехова». 2019. № 1. С. 88–91; *Кубасов А. В.* Художественная рецепция И. С. Тургенева в прозе А. П. Чехова. С. 124–131; *Бицилли П. М.* Указ. соч. С. 522–692 и др.

Убедительным доказательством преемственной связи Чехова с Тургеневым становится следование за тургеневской творческой манерой в пейзаже и психологизме в раннем творчестве Чехова.

Чеховскому пейзажу раннего периода присущи многие характеристики тургеневских описаний природы: поэтичность, живописность, эмоциональная наполненность, «лирико-философская тональность»¹⁶², пристальное внимание к деталям и склонность к употреблению таких приемов, как метафора, сравнение и антропоморфизм.

Однако Чехов не довольствовался лишь усвоением чужих традиций. Основываясь на опыте предшественника и собственном понимании реализма, молодой писатель стремился найти свои способы представления пейзажа, и уже на раннем этапе творчества добился определенных результатов. В частности, на основе случайных явлений в тургеневском пейзаже Чехов создал такие новаторские принципы описания природы, как ассоциация явлений природы с бытовыми явлениями и вещами¹⁶³ и описание природы в соответствии с пространственной позицией наблюдателя¹⁶⁴.

Психологизм в раннем творчестве Чехова имеет много общего с тургеневской тайной психологией: для психологизма обоих писателей характерна неочевидность, скрытность, смутность и крайняя естественность.

Судя по содержанию психологических описаний у двух писателей, оба они сосредоточиваются на описании общего душевного состояния персонажей и основных этапах внутренних движений, а не на детальных сложных процессах; делают упор на эмоции персонажей, а не на «рациональный»¹⁶⁵ анализ. Описания часто остаются смутными и не объясненными, что отражает

¹⁶² Громов Л. П. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z00000009/st003.shtml> (дата обращения: 06.05.2021).

¹⁶³ Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи. С. 159.

¹⁶⁴ См.: Белкин А. А. Указ. соч. С. 920.; Чудаков А. П. Указ. соч. С. 460–462.

¹⁶⁵ Есин А. Б. Указ. соч. С. 97.

важный принцип в психологизме Тургенева и Чехова: «расчет на сотворчество читателей»¹⁶⁶.

С точки зрения формы психологические описания у обоих писателей характеризуются небольшим объемом, они представлены в равных пропорциях с развитием действия и чаще всего даны через косвенные приемы воспроизведения внутреннего мира, среди которых многие являются общими для Тургенева и Чехова.

Обращение молодого Чехова к принципам тайной психологии основано на некоторых общих эстетических взглядах двух писателей, как то: лаконизм, стремление к естественности и максимальному воспроизведению реальности, и, как заметила Е. В. Тюхова, мысль о «недоступности для рационального знания глубинной сущности личности»¹⁶⁷. Более того, основной объект описания в раннем творчестве Чехова — «маленький человек», который лишен сложных психологических процессов и возможности духовно-нравственного возрождения, также определяет скрытность и неочевидность психологизма в раннем творчестве Чехова.

К сожалению, ограниченный объем исследования не позволил подробно остановиться на развитии Чеховым принципов и методов тургеневской тайной психологии и новаторстве психологизма в раннем творчестве Чехова. В этом мы видим перспективы дальнейшего исследования настоящей проблемы.

¹⁶⁶ *Есин А. Б.* Указ. соч. С. 172.

¹⁶⁷ *Тюхова Е. В.* Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи. С. 165.

Список использованной и цитируемой литературы

Источники

1. А. П. Чехов в воспоминаниях современников / сост., подг. текста, коммент. Н. И. Гитович. М.: Худ. литература, 1986. 735 с.
2. *Лейкин Н. А.* Рассказы [Электронный ресурс] // Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80–90-х годов: В 2 т. Т. 1. М., 1982. URL: http://az.lib.ru/l/lejkin_n_a/text_0050.shtml (дата обращения: 06.05.2021).
3. Литературное наследство: Чехов / под ред. В. В. Виноградова и др. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 68. 974 с.
4. Переписка А. П. Чехова: В 2 т. / сост. и коммент. М. П. Громова, А. М. Долотовой, В. Б. Катаева. М.: Худ. литература, 1984. Т. 1. 447 с.
5. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Письма: В 18 т. / под ред. М. П. Алексеева и др. М.: Наука, 1978–2018.
6. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Письма: В 12 т. / под ред. Н. Ф. Бельчикова и др. М.: Наука, 1974–1982.
7. *Чехов М. П.* Вокруг Чехова: встречи и впечатления / подг. текста, коммент. С. М. Чехова. М.: Московский рабочий, 1964. 368 с.
8. *Эккерман И. П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни / пер. с нем. Наталии Ман; вступ. статья Н. Н. Вильмонта; коммент. и указ. А. А. Аникста. М.: Худ. литература, 1981. 687 с.

Научная и критическая литература

9. *Алехина И. В.* «Дворянское гнездо» в изображении А. П. Чехова // Ученые записки Орловского государственного университета серия: гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 88–91.
10. *Алехина И. В.* Человек и действительность в пьесе А. П. Чехова «Безотцовщина» // Учебные записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 226–234.

11. *Арсеньев К. К.* Беллетристы последнего времени. А. П. Чехов — К. С. Баранцевич — Ив. Щеглов [Электронный ресурс]. // Вестник Европы. 1887. Кн. 12. URL: http://az.lib.ru/a/arsenxew_k_k/text_0040.shtml (дата обращения: 06.05.2021).
12. *Батюто А. И.* Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова (проблема героя и человека). Статья первая / А. И. Батюто Избранные труды. СПб: Нестор-История, 2004. С. 830–858.
13. *Батюто А. И.* Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова (Проблема героя и человека). Статья вторая / А. И. Батюто Избранные труды. СПб.: Нестор-История. 2004. С. 859–889.
14. *Белкин А. А.* Художественное мастерство Чехова-новеллиста. / А. П. Чехов: pro et contra / сост., ред. И. Н. Сухих. СПб.: РХГА, 2010. Т. 2. С. 885–929.
15. *Бердников Г. П.* А. П. Чехов. Идеи и творческие искания. 3-е изд., дораб. М.: Худ. литература, 1984. 511 с.
16. *Бицилли П. М.* Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа / А. П. Чехов: pro et contra / сост., ред. И. Н. Сухих. СПб.: РХГА, 2010. Т. 2. С. 522–692.
17. *Бялый Г. А.* Тургенев и русский реализм [Электронный ресурс]. М.; Л.: Советский писатель, 1962. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/byalyj-russkij-realizm/index.htm> (дата обращения: 06.05.2021).
18. *Гнедчик А. С.* Трансформация образа Гамлета в русской литературе второй половины XIX века (от Тургенева к Чехову) // Язык и социальная динамика. 2014. № 14-2. С. 70–78.
19. *Головко В. М.* Художественно-философские искания позднего Тургенева (изображение человека). Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. 168 с.
20. *Градобоева А. А.* «Тоска» А. П. Чехова: жанровые особенности «рассказа открытия» // Актуальные проблемы филологии. 2019. № 18. С. 30–36.

21. Григорян Г. А. А. П. Чехов — читатель и критик И. С. Тургенев: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. С. 207.
22. Григорян Г. А. И. С. Тургенев в восприятии персонажей ранних рассказов А. П. Чехова // *Litera*. 2019. № 4. С. 70–78.
23. Григорян Г. А. Пейзаж в художественном мире Чехова и Тургенева. Традиции и полемика // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2018. № 4. С. 111–116.
24. Гришунин А. Л. Чехов и «Записки охотника» // *Контекст: Литературно-теоретические исследования*. М.: Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького, 1989. 247–260.
25. Громов Л. П. Чехов и его великие предшественники [Электронный ресурс] // *Великий художник: Сб. ст. Ростов н/Д: Ростовское кн. изд-во, 1959*. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st003.shtml> (дата обращения: 06.05.2021).
26. Громов М. П. Чехов. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1993. 396 с.
27. Долинин А. С. Тургенев и Чехов (Параллельный анализ «Свидания» Тургенева и «Егеря» Чехова) // Долинин А. С. *Достоевский и другие: Ст. и исслед. о рус. классич. лит.* Л.: Худ. лит. Ленингр. отд-ние, 1989. С. 331–373.
28. Дубинина Т. Г. Концепт «счастье» в прозе И. С. Тургенева и А. П. Чехова // *Спасский вестник*. Тула: Аквариус, 2016. Вып. 24. С. 81–88.
29. Дубинина Т. Г. Тургеневские аллюзии в рассказе Чехова «Тина» // *Сб. науч. ст. по материалам Международной научной конференции «XIII Виноградовские чтения»*. М.: МПГУ, 2004. С. 252–259.
30. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: ФЛИНТА, 2017. 176 с.
31. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова [Электронный ресурс]. М.: Изд-во МГУ, 1989. URL: <http://chekhov-lit.ru/chekhov/kritika/kataeva-literaturnye-svyazi-chekhova/index.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

32. *Кубасов А. В.* Проза Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1998. 399 с.
33. *Кубасов А. В.* Художественная рецепция И. С. Тургенева в прозе А. П. Чехова // Филологический класс. 2018. № 4. С. 124–131.
34. *Курляндская Г. Б.* Художественный метод Тургенева-романиста. Тула: Приокское кн. изд-во, 1972. 342 с.
35. *Манн Ю. В.* Тургенев и другие. М.: РГГУ, 2008. 630 с.
36. *Мережковский Д. С.* Старый вопрос по поводу нового таланта [Электронный ресурс] // Северный вестник, 1888. № 11. Отд. II. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0150.shtml (дата обращения: 06.05.2021).
37. *Назарова Л. Н.* Тургенев и русские писатели: «Записки охотника» и рассказы Чехова начала–середины 80-х годов // Тургенев и его современники: Сб. ст. Л.: Наука, 1977. С. 109–129.
38. *Оболенский Л. Е.* Народ в жизни и народ в литературе // Одесский листок. 1897. 29 апреля. № 112.
39. *Оверина К. С.* Ранняя проза А.П. Чехова (1880-1884 гг.): проблема повествования: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 252 с.
40. *Паперный З. С.* Творчество Тургенева в восприятии Чехова // И. С. Тургенев в современном мире: Сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 127–136.
41. *Прозоров В. В.* «Он очень хороший писатель. А как он про любовь писал!»: Читатели-персонажи А. П. Чехова об И. С. Тургеневе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика, 2019. Т. 19. № 1. С. 45–49.
42. *Пустовойт П. Г.* И. С. Тургенев — художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1987. 301 с.
43. *Ребель Г. М.* Чехов и «тургеневская девушка»: Мировоззренческий и художественный аспекты тургеневской традиции // Тургенев в русской культуре. М., СПб.: Нестор-История, 2018. С. 309–352.
44. *Ребель Г. М.* Чехов как Базаров. Мировоззренческий и

художественный аспекты тургеневской традиции // Вопросы литературы, 2018. № 3. С. 218–258.

45. *Сергиевский И. В.* Мотивы и образы И. С. Тургенева // Литературная учеба. 2016. № 6. С. 158–172.

46. *Скафтымов А. П.* Поэтика художественного произведения / Сост. В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов. М.: Высш. шк., 2007. 535 с.

47. *Строганов М. В.* Тургенев и «равнодушная природа» // И. С. Тургенев: текст и контекст: Коллективная монография / под ред. А. А. Карпова, Н. С. Мовниной. СПб.: Скрипториум, 2018. С. 20–29.

48. *Сухих И. Н.* Проблемы поэтики А. П. Чехова [Электронный ресурс]. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/suhih-problemy-poetiki-chehova/index.htm> (дата обращения: 06.05.2021).

49. *Тюхова Е. В.* Тургенев и его герои в раннем творчестве Чехова // Спасский вестник. 2004. № 10. С. 97–111.

50. *Тюхова Е. В.* Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи // Спасский вестник. Тула: Гриф и К, 2005. Вып. 12. С. 158–165.

51. *Тюхова Е. В.* Тургеневские цитаты и реминисценции в пьесах Чехова // Спасский вестник. 2004. № 11. С. 111–120.

52. *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. СПб.: Азбука, 2016. 701 с.

53. *Шаталов С. Е.* Черты поэтики (Чехов и Тургенев) // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 296–309.

54. *Ямпольский И. Г.* И. С. Тургенев и его герои в произведениях других писателей // Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX–начала XX в. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 275–300.

55. *Янина М. М.* Человек в художественном мире Чехова и Тургенева (Гамлет и Дон Кихоты. Структура образа) // Литературный календарь: книги дня. 2010. Т. 4. № 1. С. 37–53.

Справочная литература

56. А. П. Чехов: Энциклопедия / сост. и ред. В. Б. Катаев. М.: Просвещение, 2011. 695 с.
57. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978.
58. Литературный энциклопедический словарь / под. общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.
59. Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1999.
60. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 223 с.
61. *Фарино Е.* Введение в литературоведение: Учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
62. *Шмид В.* Нарратология М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.